

А. П. ЕВГЕНЬЕВА

Язык русской устной поэзии

(Синонимия)

Советская фольклористика поставила и по-новому решает основные проблемы устного народного творчества (происхождение устной поэзии, ее историческое развитие, социальная обусловленность и т. д.), но есть вопросы, которые еще ждут своего разрешения. Одним из них является вопрос о языке устной поэзии, который давно назрел и требует нового освещения и нового решения. Почти все крупные ученые XIX и начала XX вв. привлекали материал устной поэзии в своих исследованиях, а в некоторых случаях посвящали ей отдельные работы, но эти исследования устарели, и методологические позиции их для нас совершенно неприемлемы.

Исключительно важное значение имеют работы Н. Я. Марра и его учеников (В. И. Абаева и др.), привлекавших в своих исследованиях фольклор, так как они освещают истоки устного творчества, отдельные этапы в его развитии, в развитии человеческого мышления и человеческого слова.

Но вопросы поэтического языка, художественных особенностей русского фольклора в его поздний исторический период (записи русского фольклора имеются на протяжении более 3-х столетий: от начала XVII в. до наших дней) до сих пор не затрагивались в нашей науке.

Огромное, исключительное по своему богатству и разнообразию жанров и форм устное творчество русского народа представляет собой замечательное искусство устного слова с высокой художественной традицией, в создании которой принимали участие лучшие художники и мастера, выражавшие в слове мысли и чувства своего народа.

Пора пристально и внимательно заняться изучением художественного языка этой богатой литературы, изучать язык устной поэзии как художественный язык, имеющий свою специфическую (устную) художественную традицию, различно проявляющуюся в разных жанрах и исторически изменяющуюся, нужно изучать его во взаимодействии с языком письменной литературы и живыми говорами, в каждую историческую

эпоху различном в зависимости от роли и социально-эстетической функции устной поэзии.

Но прежде всего необходимо выяснить, что входит в понятия „язык устной поэзии“, „литературный язык“, „поэтический язык“. В научной литературе эти понятия не имеют точных границ и употребляются различно. Иногда (и это чаще) „литературный язык“ понимается как грамматическая и лексическая система русской письменной литературы. Несколько реже в это понятие включаются и художественные выразительные средства, теснейшим образом связанные с „языком“ — „стиль“, понимаемый узко. Когда же говорят „язык устной поэзии“, то всегда имеют в виду собственно поэтические средства языка, к которым причисляют и те языковые особенности (грамматические, лексические), которые отличают фольклор от письменной литературы. „Поэтический язык“ — синоним „поэтики“ трактуется как система поэтических приемов и средств, безотносительно к виду и жанру художественного произведения.

Язык „устной поэзии“, „устного творчества“ следует сопоставить с другим понятием — язык художественной литературы (понятием более узким, чем „литературный язык“), также до сих пор неясным и расплывчатым. Неясно и расплывчато понятие „стиля“, так как иногда это термин широкого объема: реализм, романтизм, классицизм и т. п., в других случаях, оно сужается до обозначения только художественных средств, индивидуальных особенностей речи автора. Оставляя для теоретиков литературы и языка решение вопроса об объеме и содержании названных понятий, необходимо найти рабочее решение, без которого невозможно вести исследование.

Одним из достижений советской филологии является разработка истории русского литературного языка. В дореволюционной науке (в конце XIX — начале XX вв.), в связи с господством младограмматической школы в лингвистике, образовалась пропасть между „языком“ и „литературой“. Лингвисты ограничили область языка фонетикой, морфологией и, в лучшем случае, синтаксисом. Изучались, анализировались явления языка как изолированная система, имеющая свои „законы“. Социальная функция языка игнорировалась. Советские ученые поставили проблему литературного языка совершенно иначе, но предшествующая научная традиция сказалась в том, что до сих пор понятие литературного языка раскрывается очень узко: в него обычно включается только „грамматическая“ сторона языка и отчасти лексическая. Значение „грамматической“ стороны в развитии литературного языка чрезвычайно велико, так как представляет собой его основу, и она получила наиболее широкое освещение в исследованиях (чему способствовала предшествовавшая научная традиция). До сих пор мало затронута другая сторона литературного языка: художественная, выразительная,¹ которую нельзя отрывать, нельзя рассматривать, как изолированную область,

¹ Здесь можно назвать работы В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского.

потому что она также представляет собой не что иное как явления языка в собственном смысле слова, но использованные (а в целом ряде случаев — разработанные) с целью эмоциональной, более яркой семантической и художественной выразительности. Включив лексику и фразеологию в круг изучаемых явлений языка, нельзя обойти молчанием тропы и фигуры, так как семантика слов и словосочетаний неизбежно влечет за собой вопрос о функции и месте их в художественном произведении.

Художественная, выразительная сторона языка имеет свою историю, теснейшим образом связанную с грамматической и лексической системой языка. Одна из задач истории литературного языка раскрыть ее.

Понятие „язык устной поэзии“ принципиально не отличается от понятия „язык художественной литературы“, так как и тот и другой — язык художественных произведений. Их отличие в специфике устного и письменного творчества. Поэтому как в языке художественной литературы, так и в языке устного народного творчества мы различаем две стороны, неразрывно связанные между собой: 1) сторону грамматическую и лексическую, имея в виду в этом случае реальный состав их в сопоставлении и отличии по отношению к другим жанрам речи (например язык фольклора и литературы — и науки, фольклора и диалекта); язык того же жанра речи (т. е. фольклора и литературы) в его историческом развитии и изменении; 2) сторону выразительную, художественную, т. е. нарочитое использование тех или иных языковых явлений (например, употребление тех или иных синтаксических форм, особое употребление глагольных форм, подбор специфической лексики и т. п.), разработку особых форм в языке, дополняющих и расширяющих возможности выражения различных семантических и эмоциональных оттенков (способы усиления, акцентуации значения, различные „тропы и фигуры“).

Занимаясь языком устного народного творчества, автор пришел к выводу, что принятая до сих пор в науке характеристика „художественных средств“ фольклора не отвечает действительности и не раскрывает их сущности и отличительных особенностей.

Настоящая статья представляет собой часть большой работы о языке устной поэзии.¹ Задача ее заключается в том, чтобы показать роль синонимии в устной поэзии как средства художественной выразительности, а отнюдь не частного проявления „излюбленного приема повторения“ (Фр. Миклошич, М. Н. Сперанский, Ю. М. Соколов и др.), поэтому большое место в статье занимает описание различных форм синонимии, до сих пор не отмеченных (или отмеченных лишь частично) и не описанных, несмотря на их широчайшее и постоянное использование. Автор считал необходимым показать основу синонимии как средства

¹ См. например, в Трудах отдела древне-русской литературы, т. VI, Л., 1948 г. статья: „О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв.“ (постоянный эпитет).

смысловой художественной выразительности, невозможность отрывать ее от собственно языковых явлений, на которых она сложилась, а также обосновать положение, что синонимия в ее богатейшем использовании в фольклоре действительно является художественным, выразительным средством, а виды ее представляют собой результат тщательной работы художников слова.

Сочетания синонимов и синонимические группы в различных жанрах русской устной поэзии обращают на себя внимание не только частотой употребления, но и разнообразием, богатством своих форм. Они не могли остаться незамеченными: в русской и славянской фольклористике неоднократно отмечались парные сочетания синонимов (знаю-ведаю, гляжу-смотрю, путь-дорога, бой-драка, сильные-могучие и т. п.) как характерная особенность „поэтического языка устного эпоса“, но никто из исследователей не пытался вскрыть смысл и функцию синонимических пар. Что же касается синонимических групп, то, кроме Ф. И. Буслаева и А. А. Потехина, никто на них не останавливался, хотя синонимические синтагмы и предложения, синонимические стихи встречаются в устной поэзии очень часто, например:

Было пированье почестной пир,
Было столованье почестной стол.¹

Тут ему за беду стало,
За великую досаду показалось.²

Как ясен сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал.³

Что по утру было рано ранешенько,
Как на светлой заре на утренней,
На восходе было краснова солнушка ...⁴

Синонимические группы и стихи особенно широко употребляются в причитаниях и лирических песнях:

Позабудешь всю великую кручинушку
Пооставишь всю злодейную обидушку.⁵

Уж как речь стала у ей непостатейная,
Разговорушки у ей да нехорошни.⁶

Кручинушки моей не убоялися,
Обидушки моей не устрашилися.⁷

¹ Сборник Кирши Данилова, СПб., 1901, стр. 23, 36, 52 и др.

² Там же, стр. 28, 86, 103 и др.

³ Там же, стр. 9, 84, 116 и др.

⁴ Сборник Кирши Данилова, СПб., 1901, стр. 127.

⁵ Е. В. Барсов. Причитания Северного края, I. М., 1872, стр. 22.

⁶ Там же, стр. 23.

⁷ Там же, стр. 110.

Здесь синонимичны целые стихи, синтагмы или предложения. Иногда каждое слово синтагмы или стиха имеет соответственный синоним в парном стихе, иногда только некоторые слова:

а утоптана трава
утолочена мурава . . . ¹

Суды рассуживает,
ряды разряживает . . . ²

Парные сочетания синонимов (бой-драка, знаю-ведаю . . .), отмечаемые исследователями, рассматриваются фольклористами всегда как частное явление того или иного „поэтического приема“. В течение последних 50—60 лет сочетания синонимов определяются как один из видов „повторения“. Так определяют их М. Н. Сперанский,³ Ю. М. Соколов,⁴ Н. П. Андреев⁵ и др., но в данном случае названные авторы не оригинальны: они следуют за Фр. Миклошичем,⁶ который утверждал, что „повторение“ — основное поэтическое средство устного эпоса, так как выражает ту специфическую особенность народного певца, которая отличает его от писателя, художника и заключается в том, что народный певец „не может сразу отделаться от овладевшего им представления“, а поэтому „повторяется“. Фр. Миклошич различал 8 видов „повторений“ в устном эпосе — и в числе их сочетание синонимов.

Несколько иначе рассматривал синонимию Ф. И. Буслаев. Первой характерной особенностью народной поэзии он называет тавтологию и определяет ее двояко: 1) как „повторение одного и того же слова“, „одного и того же звука“ и 2) как „совокупление двух и трех подобозначащих“ слов.⁷ Он же говорит, что тавтология может „распространяться на целые предложения“. Таким образом Ф. И. Буслаев соединяет тавтологию в буквальном смысле с тавтологией семантической, т. е. с сочетанием синонимов.

Чтобы определить место и роль синонимии в устной поэзии (в былинах) и специфические ее особенности, необходимо остановиться на тех видах ее, которые встречаются в русском фольклоре, на их семантике и стилистической⁸ функции.

Стилистическая роль синонимов в устной поэзии (в записях XVIII—XIX вв.) глубоко отлична от стилистического их использования в художественной литературе второй половины XVIII в. и XIX в. В конце XVIII

¹ Сборник Кирши Данилова, стр. 129.

² Там же, стр. 13.

³ Русская устная народная словесность. М., 1916, стр. 146.

⁴ Русский фольклор. М., 1938, стр. 235.

⁵ Былины, Изд. „Сов. писатель“, 1938, стр. 21.

⁶ Изобразительные средства славянского эпоса. Древности Тр. Слав. Ком., т. I, М., 1895, стр. 207, 208.

⁷ Ф. И. Буслаев. О преподавании отечественного языка. Л., 1941, стр. 180.

⁸ Пользуюсь в работе термином „стилистический“ в силу его общепринятости и употребляю его в значении: художественный, выразительный.

и нач. XIX вв. стилистическая проблема синонима живо интересует писателей и филологов. Начиная с 80-х годов XVIII в., в журналах появляется ряд статей, посвященных синонимам, даются группы синонимов и их истолкование. Общая идея множества этих статей сводится к тому, что „богатство языка причиною тех слов, которые обыкновенно называются синонимами или подобозначащими“, они выражают „степени и тончайшие оттенки в знаменовании речений, которые естественным образом имеют между собою сходство, но вместе и различие“. „От разности значений слов произошло различие в слогах или родах сочинений. Искусный писатель дает каждому из них приличные выражения: не употребляет там слова высокого, где должно изъясняться просто; он хороший хозяин, который всякую вещь бережет для случая“.¹

Фонвизин, Шишков, Саларев, Княжевич, Ибрагимов, Калайдович, Галич, Бередников, Давыдов — вот неполный перечень писателей и ученых, которые занимались вопросом синонимов, их значений и стилистической роли. В центре внимания — семантическое различие, потому что „ни в одном языке нет двух равнозначащих слов, в противном случае один язык заключал бы в себе два языка“.²

Д. И. Фонвизин в „Опыте русского сословника“, подчеркивая семантическое различие синонимов, составляет фразы, в которых отмечает различие значений в употреблении синонимов одного ряда. Например, для группы: „Старый, давный, старинный, ветхий, древний, заматерелый“ — он приводит такую фразу: „*Старый* человек обыкновенно любит вспоминать *давныя* происшествия, и рассказывать о *старинных* обычаях: а есть ли он скуп, то в сундуках его найдешь много *ветхою*: нередко бывает он *заматерел* в своих привычках. Сих примеров столько ныне сколько бывало и в *древние* времена“.³

Таким образом отношение писателей XVIII в. к синонимам и их стилистической функции в художественной письменной литературе определяется следующими положениями: 1) в синонимах выражается богатство языка, и они служат обозначению „степеней и тончайших оттенков в знаменованиях речений“, 2) дают возможность выбора слов в полном соответствии с темой и задачей художественного произведения.

Иную картину в отношении синонимов и их использования дает устная поэзия. С одной стороны, в различных жанрах устной поэзии XVIII в. мы находим совпадение в употреблении синонимов с литературой письменной, например в былине о Василии Буслаеве в стихах:

от тое борбы от ребячия,
от тово бою от кулачнова,
началася драка великая...⁴

¹ Северный вестник, СПб., 1804, I, § V, стр. 31.

² Труды Общества любителей российской словесности, М., 1817, ч. VII, стр. 134.

³ Собеседник любителей российского слова, СПб., 1783, ч. I, стр. 126.

⁴ Сборник Кирши Данилова, СПб., 1901, стр. 33.

синонимы — борьба, бой, драка — фиксируют различные оттенки „в знаменовании речений“ и служат тому, чтобы показать переход от одной ступени к другой.¹

Также и в другом произведении Сборника Кирши Данилова („Когда было молодцу . . .“) в стихах:

Господь бог *миловал*
государь царь *жаловал*
отец-мать молодца у себя *во любви держал* . . .²

где синонимы — миловал, жаловал, во любви держал — показывают различные оттенки значения.

Но эта семантико-стилистическая функция синонимов не получила особенно широкого развития в устной поэзии (в частности в эпосе).

В отношении синонимов (как и в отношении других поэтических средств) устная поэзия (в записях XVIII—XIX вв.), с одной стороны, сохраняет старые, более древние принципы, от которых уже отказалась письменная литература XVIII—XIX вв., и по своему развивает их, а, с другой, — она опирается на те особенности синонимии, которые в письменной литературе не получили развития или имеют иную стилистическую функцию.

Отвлекаясь от очень сложного и разнообразного происхождения слов-синонимов и синонимических выражений в языке в целом и в письменной литературе, а также от их не менее разнообразных и сложных стилистических функций, выделим основное.

1. а) Наличие в литературном языке пар и рядов слов, полностью совпадающих в своем значении: глядеть-смотреть-зреть, бой-сражение-битва, грядущий-будущий, губы-уста, щеки-лаины, дорбга-путь и т. д., б) наличие слов с различным (иногда близким, иногда далеким) значением, которые в определенном контексте, в определенном сочетании могут полностью совпадать в своем значении, например: статья — исследование — работа³ („Большая *статья* NN, посвященная вопросам этногенеза, вызвала оживленную дискуссию, так как это *исследование* построено на совершенно новых данных. *Работа* NN раскрывает новые перспективы . . .“ и „Эта *статья* представляет собой глубокое *исследование*, выросшее на основе длительной *работы* в области этногенеза“). К этой второй группе должны быть отнесены также всевозможные замены слова, термина, как путем метафоры или метонимии („выпить чашу“ и „осушить

¹ См., например, определения слов: борьба, бой, драка в „Словаре Академии российской“, ч. I, стр. 179, 291; ч. II, стр. 633.

² Стр. 124.

³ Первая категория слов проявляется, главным образом, в различных по стилю произведениях или частях произведения: „грядущие годы таятся во мгле, но вижу твой жребий на светлом челе . . .“ — грядущий-будущий, таиться-скрываться, чело-лоб. Вторая категория значительно менее связана с жанром и стилем произведения, она

чашу“), так и перифразой („солнце погасло“ и „погасло дневное светило“).¹

II. Наличие слов, „близких“ по значению (скорбь-грусть-тоска-печаль-уныние-меланхолия), основная семантико-стилистическая функция которых заключается в выражении богатства оттенков значения, тончайших его нюансов. Эта группа, кроме своей основной функции, используется как и слова-синонимы первой категории.

В устной поэзии также используются обе категории синонимов: I) слова и сочетания, полностью совпадающие в своем значении или могущие быть так употреблены, и II) слова-синонимы, близкие по значению, выражающие различные оттенки и степени основного значения. Но формы их использования и стилистические функции глубоко отличны от тех, которые характеризуют письменную литературу, а чрезвычайное богатство и разнообразие видов синонимии в устной поэзии говорит о том, что здесь мы имеем дело с художественным средством, сложившимся на определенной языковой основе и имеющим свой особый художественный смысл и функцию.

Наиболее яркой и обращающей на себя внимание особенностью использования синонимии в устной поэзии является парное сочетание синонимов, послановка их рядом, так что слова как бы сливаются в одно целое, образуют новое сложное слово. Именно эта особенность и получила наибольшее освещение в литературе. В плане стилистическом она, как было указано выше, рассматривается или как частный случай повторения, или тавтологии, в плане лингвистическом — как один из видов сложных слов.²

Остановимся на различных видах сочетаний синонимов в устной поэзии. Записи XVII—XX вв. самых разнообразных жанров фольклора дают богатый материал в этом отношении. На первом месте следует поставить парные сочетания синонимов. Парные сочетания синонимов, т. е. два слова, поставленные так, что представляют собой как бы единое

используется, во-первых, для выделения основного признака в каждом отдельном случае, во-вторых, для того, чтобы полностью, со всех сторон, охарактеризовать явление, в-третьих, также и для того, чтобы не утомлять внимание повторением одного и того же слова, что в современном литературном языке определяется семантико-синтаксической и эстетической нормой (повторение одного и того же слова в современном литературном языке используется как стилистический прием, имеющий большую смысловую нагрузку).

¹ Основой этих двух категорий является то, что одно и то же явление, понятие, один и тот же предмет или действие могут быть названы различно в зависимости от жанра, стиля произведения, отношения автора, точки зрения и т. д.

² А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, III. Харьков, 1899, стр. 552.

целое, встречаются во всех жанрах и видах русского фольклора от древнейших записей (XVII в.) до настоящего времени. Все категории речи (существительные, прилагательные, глаголы, причастия, наречия, предлоги) выступают в определенных случаях в синонимических парах, но наибольшее количество их дают глаголы и существительные.

Основанием для сочетания синонимов служит совпадение значения, определяющее как подбор слов и сочетаний, так и стилистическую функцию их, которая заключается в усилении, уточнении значения (а не в создании „нового значения“).

Анализ парных сочетаний синонимов обнаруживает, что количество их лексически ограничено, причем ограничение это обусловлено самим принципом, лежащим в основе сочетания — обязательным совпадением значения компонентов. Можно наметить несколько категорий синонимов, которые образуют сочетания.

1) Слова, совпадающие в своем значении в языке в целом (как в литературном языке, так и в диалектах), например: гляжу-смотрю, говорит-молвит, знаю-ведаю, очи-глаза, правда-истина, крюки-багры, холост-неженат и т. д.¹

¹ Предлагаемое деление синонимических пар на группы довольно относительно в отношении состава каждой из этих групп (но не категорий слов, которые их образуют), так как в работе привлекаются записи от XVII до XX в. включительно. Лексический состав, границы, отношение литературного языка к диалектам различно на протяжении тех трех веков, которые охватываются в работе, а история лексики русского литературного языка совершенно не исследована, поэтому автору приходилось опираться только на имеющиеся словари, отчасти на картотеку Исторического словаря Академии Наук, на различные диалектологические записи и материалы. В отношении почти каждого сочетания необходимо решать вопрос отдельно. Чрезвычайно трудно, а иногда невозможно определить стилистические границы слова в литературном языке в особенности для XVII и XVIII вв., тем более трудно сделать это в языке устной поэзии и диалектах. Если, например, в современном литературном языке „гляжу“ — „смотрю“ не только полностью совпадают в своем значении (в данном употреблении), но и стилистически почти не различаются (см. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, М., 1940, стр. 308. „Смотреть“ — то же, что глядеть в 1-м значении, но более свойственно собственно литературной речи), то сочетания „знать-ведать“, „очи-глаза“, состоят из слов, различных по стилистическому употреблению: „ведать“ — архаизм („книжн. устар.“ по характеристике Толкового словаря Д. Н. Ушакова), „око“ — архаизм („старинн. редко“ — там же), иную картину получим в северных говорах, где слово „ведать“ встречается очень часто, а „око“, „очи“ представляет собой лексическую норму, наряду с „глаза“ — словом относительно новым. Поэтому для текстов устной поэзии, которые привлечены в работе (почти все тексты, за единичными исключениями для XVII в., представляют собой записи в области севернорусских говоров: Сборник Кирши Данилова по своей лексике и художественной манере также почти полностью лежит в северной традиции), сочетания „очи-глаза“, „знаю-ведаю“, „говорит-молвит“, „говорит-промолвит“ несомненно принадлежат к первой категории. Значительно сложнее решить вопрос о том, в какую группу отнести, например, сочетания „колыбель-люлька“ (XVIII в.), „скоро-борзо“ (XVII в.) („скоро-борзо скидывал сь себя платье посолское“). Если бы это сочетание встретилось в записях XX и даже XIX вв., у нас были бы основания отнести его в группу, где одним из компонентов является архаизм, слово,

2. Следующая группа представляет собой сочетание слова местного, диалектного с „общерусским“, литературным. В этой группе устанавливать границы очень трудно, так как не ясна история (самая элементарная) значительной категории слов, время появления их в литературном языке и неизвестна степень распространенности их в диалектах. К этой группе должны быть отнесены, например, такие сочетания: „краса-баса“, „призагуньте-призамолокните“, „сочить-искать“, „петь-жупеть“, „боять-ся-полохаться“, „кричать-реветь“, „баска-хороша“, „речь-поговорье“, и т. д.

3. Третью группу представляют сочетания, в которых одно из слов является архаизмом (в отношении к диалекту или русскому языку в целом) например: „кущы-гости“, „деялось-учинилось“, „светлицы-гридни“, „биться-ратиться“ и т. д. К этой категории относятся также слова, значение которых утратило свою специфичность, в связи с историческими изменениями, и приблизилось, а во многих случаях полностью совпало со словами, близкими им по значению, например: „дедина-отчина“, „род-племя“ „дани-пошлины“, „дани-выходы“, „нянюшки-мамушки“ и т. п.

4. В особую группу должны быть выделены сочетания, где одним из компонентов является иноязычное слово, хотя и вошедшее в широкий обиход, но тем не менее представляющее собой дублет, например: „месяц-луна“, „талан-участь“, „бусы-корабли“¹ и т. д.

5. Большую группу представляют сочетания синонимов, которые, не являясь в полном смысле дублетами, имеют незначительное расхождение в значении, обусловленное в гораздо большей мере жанрами речи, чем содержанием и объемом значения самих слов, например: „отец-батюшко“, „присек-прирубил“, „опочивали-спали“, „кидались-метались“, „ушиб-убил“ и т. д.

К этой группе должна быть отнесена значительная часть слов, прочно вошедших в фольклор и диалект из литературного (в широком смысле), письменного, книжного языка. Некоторые из них имеют широкое распространение в живой речи, другие же представляют собой пассивный лекси-

---

исчезающее из живого обращения и имеющее свою замену, потому что в областных словарях XIX—XX вв. слово „борзо“ почти не встречается (отмечено только В. Н. Добровольским в Смоленском словаре), но для XVII в., вероятно, оно еще не было архаизмом и имело большее распространение, потому что встречается с древнейших пор в оригинальных русских памятниках (в Житии Бориса и Глеба, в Поучении В. Мономаха, в Псковских летописях, в Новгородских летописях и т. д.). Слово „борзо“ встречается и в двух записях былии XVII в., кроме того, в говорах (в записях XIX—XX вв.) встречается производные, например „боржом“ — поспешно, быстро (Воронежск.), „наборзе“ — быстро, поспешно (Псковск.).

¹ В данном случае считаем иноязычным только слово „бусы“, так как вопрос о слове „корабль“ недостаточно ясен. Во всяком случае оно принадлежит к числу тех, которые не представляют собой дублета, а входят в основной лексический фонд русского языка. Возможно также, что это сочетание придется отнести в предыдущую категорию, так как „буса“ принадлежит к числу очень старых заимствований (см. „Материалы“ И. И. Срезневского) и стало архаизмом к XVIII и тем более XIX в.

ческий запас и почти не встречаются в живой разговорной речи. Это — слова, семантика которых совершенно ясна говорящим и соотнесена с семантикой диалектного, наиболее употребительного в речи слова, например: „пора-время“, „спесь-гордость“, „рубите-казните буйну голову“, „попы-отцы духовные“, „орать-пахать-крестьяновати“, „непаханая-неараная“ и т. д.

6. Сознание и ощущение эквивалентности другого слова, возможность назвать предмет, явление, действие различными словами обуславливает наличие таких парных сочетаний, где второе слово, в общем далекое по своему значению, в определенном употреблении (часто в зависимости от контекста) полностью совпадает с другим: „послужи ты мне верою, да ты *верою-правдою*“, К. Д. 122; „а с тово *время-часу* захворала она“, К. Д. 97; „многой *миръ-народъ* погубили“ (Песни запис. для Р. Джемса, П. К. Симони. Памятники старинн. русск. яз. и слов. XV—XVIII ст., вып. 2, I, СПб., 1907, стр. 4); „во те во *подвалы-погребы*“, К. Д. 54; „аи *столники-чашники поворачивают-пошевеливают* своих оне приспешников“, К. Д. 95; „*скачут-пляшут* вси промежу собой“, Гильф. 250; „*ходила-гуляла*“, „*ездил-гулял*“ (там же, очень часто) „*честь-хвала*“, „*пир-радость*“, „*выбежали-выребали* тридцать кораблей“, К. Д. I; „*прошла-протекла* Камышевка река“, К. Д. 135 и т. д.

Категория этих парных сочетаний расширяется и за счет того, что одно из слов может быть употреблено в переносном значении, или представлять собой метафору, например: „*катит-жалует* сестрица двуродимая, на руках несет белую сорочечку“, Рыбн. III, 16;¹ „*Выпей-высуши* чару зелена вина, наливаньца сокола братца родимого“, Рыбн. III, 38 и т. п.

Основой всех приведенных примеров является совпадение значения компонентов, составляющих синонимическую пару. Это особенно ясно в сочетаниях, которые образуются из элементов, представляющих собой дублеты, например в названии предметов и „прямых“ действий: „*колыбель-люлька*“, „*очи-глаза*“, „*школочки-училища*“, „*месяц-луна*“ и т. д. или „*сочить-искать*“, „*гляжу-смотрю*“, „*говорит-молвит*“ и т. п. Таким образом, то, что в письменном литературном языке XVIII—XX вв. служит средством стилистических или семантических различий (следовательно взаимно исключает друг друга), в устной поэзии ставится рядом, используется как средство усиления значения, причем это касается не только дублетов в буквальном смысле, на той же основе совпадения значений образуются синонимические пары, где компоненты только частично совпадают, но именно это семантическое совпадение и выдвигается на первый план в сочетаниях: „*радость-веселье*“, „*собирались-съезжались*“, „*стосковалась-сгоревалась*“ и т. д.

¹ Ср. — „что *идет* ко мне и *жалует* дорогая чествна гостейка“ (П. В. Шейн, Великорусс... СПб., 1900, вып. 2, стр. 416).

Особенностью парных синонимических сочетаний является их слитность, спаянность, проявляющаяся в том, что 1) часто один из компонентов превращается почти в энклитику, теряет свое ударение или получает ослабленное: „знáю-вѣдаю“, „цѣны-смѣты нет“, „вѣрой-правдою“, правда-истина“, „пора-время великая“, „чѣсть-хвала“ и т. д.; 2) определение относится ко всему сочетанию в целом, например: „И многой *мирь-народъ* погубили“, Р. Дж. 4; „Когда было молодцу *пора-время* великая, *чѣсть-хвала* молодецкая“, К. Д. 124; началась у них *драка-бой* великая“, К. Д. 33; „Пошла у них *пир-радость* великая“, К. Д. 150; „учинилася *бой-драка* тут великая“, К. Д. 128; „*речь-пословица* умильная“, Рыбн. II, 557; „наряжать станут *судьи-власти* немилостивы“, Рыбн. III, 19; „*вси отцы-попы* духовныи собираются“, Барс. I, II и т. п.

Такая спаянность, превращающая сочетание в единое целое, формально ставит синонимические пары как бы в один ряд с парами типа: а) хлеб-соль, б) кипарис-дерево и т. п. (т. е. „двандва“¹ и атрибутивными). Объясняется это тем, что в синонимических парных сочетаниях, смысл которых в усилении значения, очень важной стороной является и уточнение значения, как особый элемент усиления. Но это — уточнение художественное, стилистическое, потому что оно касается не только таких сочетаний, как „сочить-искать“, „призагуньте-призамолкните“, „месяц-луна“ и т. п. (т. е. сочетаний, где возможен „перевод“, „объяснение“, уточнение в силу происхождения слова), но и во всех разнообразных категориях синонимических пар, например: „ходила-гуляла“, „ездил-гулял“, „скачут-пляшут“, „бегати-скакати на добрых на конях ис Клева скакать до Чернигова“ К. Д. 25² и т. п. Здесь оба слова взаимно ограничивают друг друга, уточняя, усиливая, выделяя только одно, общее им обоим значение.

В III т. „Из записок по русской грамматике“ А. А. Потебня дает анализ и объяснение многим парным синонимическим сочетаниям устной поэзии. Отмечая смысловое совпадение компонентов в современном употреблении, А. А. Потебня пишет: „Усугубление в речи одного и того же слова (разрядка автора) дает новое значение объективное или субъективное. Первое — когда при сравнении итога с отдельным слагаемым заметна разница в признаках обозначаемого; второе — когда итог указывает на изменение состояния самого говорящего, именно, когда повторение слова и оборота вызвано чувством, замедляющим течение мысли, например гневом, который располагает к тождесловию.

¹ Термин обозначает сложение двух разнозначащих слов для образования единого делого.

² Если для первых трех примеров не требуется пояснений, так как и современное литературное употребление дает совпадение в одном (основном или частном) значении, то последнее сочетание „бегати-скакати на добрых на конях“ вполне закономерно для XVII—XVIII вв., например: „А с вѣсьми *бегати* тѣмь станицникомъ въ Новосиль, а *постѣють* о дву конь в три дни“. Акты Московского государства, т. I. СПб., 1390 стр. 12.

Если это так, то тем более сочетание синонимов, слов различного происхождения, должно рассматриваться как средство создать новое значение¹. А. А. Потебня не исключает возможности образования синонимических сочетаний, однако, происхождение не только самого явления, но и конкретно всех приводимых им примеров видит либо в сложении двух разнозначущих слов (типа: хлеб-соль) для образования единого целого, либо в атрибутивном сочетании, где второе или первое существительное выступает в качестве определения (типа: мед-липец, палец-мизинец и т. п.). Он пишет: „Первоначально, т. е. при своем возникновении, синонимы, как путь и дорога, означали различные вещи, как и слова несинонимичные, как хлеб-соль и т. п. вышерассмотренные сочетания. То же о синонимичных названиях действий, качеств, отношений. Разница между первыми и вторыми сочетаниями в том, что значения сочетаемых образца хлеб-соль в мысли говорящего не совпадают, а в сочетаемых путь-дорога совпадают в большей или меньшей степени. К этому совпадению говорящий приведен постепенным ходом своей собственной или унаследованной мысли, и в силу этой постепенности в отдельных случаях бывает трудно сказать, стоит ли перед нами сочетание одного или другого рода. Так, лишь по контексту, не всегда ясно указывающему на мысль говорящего, можно узнать, какого рода сочетания ст(аршего) вр(емени) животы и статки“...² В соответствии с этим положением, А. А. Потебня и рассматривает в определенных разделах своей книги те или иные сочетания. Так, синонимическая пара „род-племя“ отнесена им к группе „двандва“ (типа отец-мать). „Это сочетание не трудно различных синонимов, как рать-сила (как у Бусл., I. с.), а слов различных по значению, ибо род—ближайшие, племя—дальнейшие родственники“³. Особенно много синонимических пар отнесено А. А. Потебней к атрибутивным сочетаниям: „дани-пошлины“⁴, „рать-сила“⁵, „пир-радость“⁶, „честь-хвала“⁷ и т. д.

Поразительной чертой примеров на синонимические (или „тавтологические“) сочетания, приводимых А. А. Потебней, является то, что все они почерпнуты из устной поэзии.

А. А. Потебня находит этому следующее объяснение. „Атрибутивность существительного должна увеличиваться по направлению к древности. Если примеры этого явления обычны в недавно записанных памятниках народной словесности и живой речи простонародья и редки в древних памятниках, то это объясняется отвлеченностью и заимствованностью содержания этих памятников и бедностью их подражательного

¹ Из записок по русской грамматике, т. III. Харьков, 1899, стр. 552.

² Там же, стр. 552.

³ Там же, стр. 530.

⁴ Там же, стр. 154.

⁵ Стр. 157.

⁶ Стр. 158.

⁷ Стр. 554, стр. 556.

языка“.¹ Таким образом, устная поэзия, по мнению А. А. Потебни, хранит архаичнейшие формы (правда он отмечает их переосмысление, в связи с изменением семантики одного из компонентов).² Все изложенное не отвечает действительности, а положение А. А. Потебни, что смысл сочетаний синонимов в том, чтобы „создать новое значение“, „объективное или субъективное“, сформулировано в такой общей форме, что ничего не раскрывает и дано безотносительно к текстам и видам речи, в которых живут сочетания синонимов.

А. А. Потебня исходил из лексического состава языка и места в нем слов-синонимов вообще, не анализируя их стилистической и семантической функции применительно к тексту, он не учел также в достаточной мере чрезвычайно важное обстоятельство, что сочетания синонимов — явление, свойственное и характерное почти исключительно устному творчеству, а отнюдь не языку в целом. Синонимические сочетания (парные бессоюзные) в письменной литературе и разговорном языке очень редки и представляют собой „заимствования“ из устной поэзии.

Нельзя думать, что в сочетаниях синонимов устная поэзия „донесла“ до наших дней древние формы, в прошлом свойственные всему языку в целом, так как: 1) в этих сочетаниях нет ни архаических форм, ни архаической лексики; нет слов, которые бы не употреблялись в диалектах или книжном, литературном языке, 2) до настоящего времени сочетание синонимов представляет собой живое художественное средство языка, очень широко применяемое многими современными сказителями,³ причем между „древними“ и „новыми“ синонимическими парами нет никакой семантической и стилистической границы („кушцы-гости“, „дедина-отчина“, „ученьице-образованьице“, „обычай-порядки“ и т. д.).

Сочетания: „дани-пошлины“, „рать-сила“, „пир-радость“, „честь-хвала“ и т. д. отнесены А. А. Потебней в категорию атрибутивных сочетаний по своему происхождению на основании истории (часто гипотетической) развития и изменения семантики отдельных слов, которая представляется ему идущей внутри сочетания. Никаких данных, кроме самого сочетания, зафиксированного в устной поэзии XVIII—XIX вв., и в изолированном употреблении слова в древней письменности, у него нет. „Дань-пошлина“ т. е. „пошлая, обычная“, пишет А. А. Потебня⁴ и приводит ряд примеров

¹ Там же, стр. 131.

² См. стр. 554 и далее.

³ См., напр., М. С. Крюкова. Новины. Архангельск, 1939:

Они *глядят-смотрят* во все стороночки,
У них *очи-глаза* очень зоркие,
У них *уши-слухи* очень чуткие (стр. 9).

С *людьми-народом* со премудрым (стр. 9)
„Ученьице-образованьице“,
„Школочки-училища“, „сетью-неводом“,
„приказаньице-повеленьице“,
„отослать-отправить“, „обычай-порядки“ и т. д.

⁴ Ук. соч., стр. 154.

на это сочетание из „Песен, собранных П. В. Киреевским“, но в древнерусской письменности оно совсем не встречается, а это было бы совершенно невероятно, если бы оно существовало, так как это термин юридический и государственный. Летописи, договорные грамоты, деловые документы знают многие разновидности „дани“, но никогда не определяют „дань“ словом „пошлина“. Другой компонент сочетания — слово „пошлина“ — также термин широкого употребления и в древней письменности имеет свое особое значение, поэтому постоянно сопровождается определениями (пошлина ордынская, царева, княжая, государева, торговая, церковная, судовая, старая, дьячая, дворцовая и т. д.), которые указывают конкретные разновидности „пошлин“.¹ Другая синонимическая пара „дани-выходы“ (чаще встречающаяся в фольклоре, чем „дани-пошлины“) подтверждает наше предположение, что основой сочетания является синонимия (а не атрибутивность), так как три синонима: „дань“, „пошлина“, „выход“ (каждый со своими разновидностями, кроме совпадений), очень характерны для древней письменности и никогда не встречаются в таких парных сочетаниях, где одно из них определяет другое (типа: мед-липец, земля-пустошь). В устной поэзии есть другое парное сочетание: „дани-невыплаты“, К. Д. 106,² его, несомненно, следует отнести в группу атрибутивных сочетаний, которых не мало в устной поэзии.

Атрибутивными отношениями объясняет А. А. Потебня и другие синонимические пары („пир-радость“, „честь-хвала“ и т. д.). Он пишет: „читать можно было различно, между прочим угощая напитком, . . . почему честь значило и подносимую чару . . . и угощение. Поэтому сочетания «честь-хвала», «честь-слава» сначала суть определительные по отношению к «честь» и лишь в конце дают тавтологию.“³

Таким образом, в синонимических парах устной поэзии А. А. Потебня видит обломки, рефлексy далекого прошлого, архаичного состояния языка. В действительности же те или иные синонимические пары образовывались в тот момент, когда в результате различных историко-семантических изменений одно слово становилось синонимом другого, т. е. сочетание „честь-хвала“ появилось, когда „честь“ и „хвала“, „читать“ и „хвалить“ стали синонимами. То же самое следует сказать и относительно синонимических пар: „род-племя“, „дедина-отчина“, — рассматриваемых А. А. Потебней, как образования „двандва“. Они сложились не раньше, чем слова, входящие в их состав, сблизились или совпали в своем значении. Замечание А. А. Потебни относительно того, что „род — ближайшие, племя — дальнейшие родственники“, — едва ли отвечает действительности, так как

¹ В „Материалах для терминологического словаря“ (М.—Л., 1937) слово „пошлина“ дано более чем с 30-ю определениями, и Г. Е. Кочин (составитель), определяя слово как „разновидность платежей в пользу феодала и государственной власти“, считает необходимым указать, что другое значение „старина, издавна установленный обычай“ встречается редко.

² Ср. в другом произведении Сборника: „вывоз млад Щелкан дани-выходы царские невыплаты“, стр. 13.

³ Ук. соч., стр. 554.

старые тексты не дают такой дифференциации и употребляют как то, так и другое слово безразлично 1) в значении: семья, родственники, 2) в значении: род, 3) в значении: племя, народ. Поэтому основанием для сочетания „род-племя“ в устной поэзии надо считать их синонимичность (точнее, в данном случае — полное совпадение значения, причем слово „племя“ имеет архаический или, может быть, книжный характер). Так понимать это сочетание обязывают нас тексты устных произведений, в которых они встречаются, например:

И все глядят многи добрые людюшки:
По кресту дородний доброй молодец
Ученого отца — матери!
И по покловчиком дородний добрый молодец
Разумного *роду-племени*...¹

Вы, чаю, два вьюнчика малые,
Чьего вы *роду-племени*,
Где у вас родной батюшка?²

Вот придумал твой батюшко
С *родом-племенью* расстатися.
Спознавайся мое солнышко,
С чужим *родом-племенью*.³

Нет никаких оснований рассматривать сочетание „род-племя“ как сложение двух разных по значению слов, тем более, что в других случаях на месте этого сочетания стоит только слово „род“ (слово „племя“ вне сочетания не встречается ни в записях XVII в., ни в Сборнике Кириши Данилова, ни в записях Гильфердинга и Рыбникова).

В устной поэзии часто встречаются атрибутивные сочетания, в которых определение выражено существительным. Они разнообразны, и некоторые из них представляют собой архаизмы языка, сохраняющиеся в наиболее традиционных жанрах фольклора и некоторых выражениях живых диалектов (например: „удача добрый молодец“, „сапоги турецко-сафьян“, „тур золотые рога“, „кипарис-дерево“, „Волга-матка река“, „потолок черных соболей“, „бой-девка“, „дрянь-человек“ и т. п.). Также не редки и образования типа „двандва“, например: „холоду-голоду“, „наготы-босоты“, „злато-серебро“, „калина-малина“ и т. д., но ни те ни другие не могут служить для объяснения синонимических сочетаний, представляющих собой художественное, выразительное средство русской устной поэзии.

Синонимические пары, несмотря на свою слитность (которая выражается в том, что один из компонентов получает ослабленное ударение, и в том, что определение относится ко всему сочетанию в целом), тем

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, I. М., 1910, стр. 311.

² Там же, стр. 417.

³ Там же, III, стр. 72.

не менее не являются неразрывными. Если бы это явление было „лингвистическим“ — языковым (в узком смысле), то оно выступало бы в таком виде в языке или в отдельных говорах в целом, а не только в устной поэзии. Синонимические пары — художественное средство, которое прекрасно осознается и до сих пор является продуктивным.

Когда синонимическая пара оказывается поставленной в косвенном падеже с предлогом, то предлог стоит перед каждым из компонентов, и ослабленное ударение одного из них опять становится полным:¹ „пьют едят прохлаждаются *во веселье в радости*“, К. Д. 124; „молоду Касьяну поклоняетца *бестыда без сору*“, К. Д. 99; „с *няньками с мамками* и с сеньными красными девицами“, К. Д. 99; „*во тою путй во доробыженьки*“, Гильф. 575; „*что за чудо за диво* великое“, Шейн 1284 и т. д. То же самое происходит и в отношении глагольных пар, когда перед глаголами оказывается отрицание „не“ или усилительная частица „ни“: „ко мне *не ходишь не жалуеть*“, Квашн. VII, 928;² „*не двинули ни крянули* ни черным волосом“, Сим. Ск., 23;³ „*нигде не мешкал не стоял*“, К. Д. 91; „*не шатаютца не матаютца*“, К. Д. 142; „про то ты веть *не знаешь не ведаешь*“, К. Д. 24; „да как-то мне *не драться не ратиться*“, Гильф. 245 и т. д.

Кроме синонимических пар, где компоненты стоят рядом, без союзов, в устной поэзии (во всех жанрах) часты синонимические пары, соединенные союзами „и“, „да“, причем роль этих союзов значительно отличается от обычной их роли в современном литературном языке (соединительной и присоединительной), так как и в этих парах основанием для постановки рядом является совпадение значения, а не расхождение. Стилистическая функция синонимических пар, подчеркиваемая союзами „да“ и „и“, заключается в усилении значения, в подъеме его, тогда как в бессоюзных сочетаниях главное — в уточнении, взаимоограничении (тем самым тоже в усилении значения, но не путем подъема, а путем ограничения).⁴ Чтобы это положение было более убедительным, приведем несколько примеров из различных жанров устной поэзии в записях XIX в. „Вы *поеште да покушайте*, Вы любезны, милы дядевья“, Шейн 1629; „Вы на что, мои родители, *рассердились да разгневались*“, Шейн 1663;

¹ Даже в том случае, когда предлог представляет собой только одну согласную: в, с, к.

² М. Н. Сперанский. Из материалов для истории устной песни. Изв. АН СССР, ООИ, 1932, № 10, стр. 928.

³ П. К. Симоны. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII ст., вып. 1. Сказание о киевских богатырях. Пгр., 1922, стр. 23. Крянуть — тронуть, двинуть (северно-русские говоры).

⁴ Союз „да“ выступает в качестве усилительного и в других положениях (например в атрибутивных сочетаниях: „расцветет... все цветами-то *да* все алыми“, „с чужой-то дальней сторонюшки, со злодейки *да* незнакомья“, или между подлежащим и сказуемым, между зависимыми, управляемыми словами: „как на это *да* тепло местечко, где стояла *да* тепла паруша, я покину *да* бел-горюч камень“. Кириевский. Новая серия, вып. 1, М., 1911, стр. 38.

„Я учула да услышала, говорят милы подруженьки...“, Шейн 1665; „Я не боюсь да не полохаюсь, И не стыжусь да и не соромлюсь“, Рыбн. III, 35; „Ай как у меня столованье да почестен пир“, Гильф. 386; „Полно вам биться и ратися“, Рыбн. II, 93; „Вы глядите-тко народ да люди добрыи“, Барс. II, 67 и т. д.

Очень многие из синонимических бессоюзных пар имеют полное соответствие в синонимических парах с союзами „и“ или „да“: „знаю и ведаю“, „ходила и гуляла“, „ездил и гулял“, „закручинился и запечалился“, „верой и правдою“, „честь и хвала“, „бой и драка“ и т. д.

Такая же картина и в записях XVII—XVIII вв.: „Ты сам про них знаешь и ведаешь“, К. Д. 139; „он эжет и палит пламенем огненным“, К. Д. 92; „приказал казнить и вешати“, К. Д. 109; „исполать тебе добру молодцу, что служишь князю верою и правдою“, К. Д. 89; „у царя благовернова еще пир и стол на радости“, К. Д. 127; „со стыду и сорому о карачках под крылец ползет“, К. Д. 18; „тоска и кручина“ „шкарб и живот“ „притки и скорби“ и т. п. „ты дал мне загон земли непаханья и неаранья“, К. Д. 3; „стал радошен и веселешенек“, К. Д. 32; „сильные и могучие“, „счастливы и таланливы“ и т. д.

Усилительное значение союза особенно ярко выступает, когда он сочетается с повторением одного из синонимов, например: „а смею я царь похвалитися, похвалитися и похвастати“, К. Д. 138; „скоро она убиралася, убиралася и наряжалася“, К. Д. 99; „все молодцы закручинилися, закручинилися и запечалилися“, К. Д. 21 и т. д.

Нормы современного русского литературного языка (и русского языка в его целом, т. е. и большинства его говоров) оказывают огромное влияние на наше восприятие устных произведений, хотя далеко не всегда можно исходить из этих норм при анализе устной поэзии, в особенности традиционных ее жанров. В современном литературном языке невозможно соединение союзом „и“ дублетов — слов, совпадающих полностью в своем значении, например нельзя сказать: гляжу и смотрю, знаю и ведаю, народ и люди, сказал и молвил¹ и т. д., потому что функция союзов „и“ и „да“ (в значении „и“) в русском языке (в простом предложении) — соединение далеких или близких по значению однородных членов. Поэтому наличие союза „и“ заставляет воспринимать один из членов, как отличный от другого: сочетание „стыд и срам“ с точки зрения современного литературного языка представляется соединением слов с различными оттенками значения (стыд — более слабая степень, а срам — более высокая степень той общей семантики, которая является основой в каждом из этих слов), тогда как для большинства диалектов русского языка это дублеты, и в просторечии чаще встречается бессоюзное сочетание „стыд-срам“.

А. А. Потехина, останавливаясь в своих исследованиях на своеобразной функции союза „и“ в древних памятниках („и“ в атрибутивном сочетании, между подлежащим и сказуемым, между глаголом и причастием

¹ В просторечии мы иногда пользуемся средствами художественной выразительности устной поэзии.

или деепричастием), определяет ее так: „он (союз „и“) служит указанием на субъективную последовательность восприятий, явственным выражением медленности, с которою в говорящем один акт мысли следует за другим. В разных течениях языка, иногда личных, иногда более общих, различна степень потребности этих (с точки позднейшего, преимущественного письменного гипотактического языка) плеонастических частиц, заполняющих собою пробелы мысли. В немерной речи они более бросаются в глаза, чем в мерной. (В начале стиха или полустушия эксплетивные частицы менее заметны с позднейшей точки, чем внутри полустуший: чем теснее ожидается связь, тем более поражает ее нарушение). Чем строже стихотворный размер, напр. серб. десятисложный, чем реже встречаются в нем союзы эксплетивные, напр. в серб., тем более выделяются и обособляются, как остатки старины обороты «кита и сватови». Наоборот, — тем труднее выделить обороты «кита и сватови» в особый разряд, чем чаще эксплетивные союзы в случаях, например атрибу. сочетания существительного и прилагательного или объективного сочетания падежа с родительным принадлежности. Такое «и» плеонастичное в серб. и мр. редко; но оно часто у некоторых певцов свр. былии¹. Это — другая позиция, одинаково неприемлемая, как и первая, потому что все в фольклоре отличное от норм современного литературного языка, заносится в категорию архаизмов, а устная поэзия рассматривается как обломок, остаток глубокой старины, сохранивший ее в языке почти в полной неприкосновенности. Не может быть ничего более антиисторичного, чем это утверждение, так как устная поэзия живет на языке, современном моменту записи, и архаические формы чрезвычайно в ней редки, а то, что продолжает жить, переосмыляется в свете непрерывно изменяющегося сознания. Плеонастические союзы, частицы в записях русских былии XVIII—XX вв. нельзя объяснять на основе древних текстов. Таково, возможно, их происхождение, но семантическая и стилистическая функция их в устной поэзии XVII—XX вв. совершенно иная. Не говоря уже о том, что наличие плеонастических частиц, союзов и других слов обуславливается очень часто ритмом, способом исполнения, индивидуальной стилистической манерой (например, начинать каждый стих частицей или союзом: а, ай, аж, аї же, да, ну и, как и и т. п.), в языке устной поэзии есть свои специфические стилистические и семантические особенности и приемы, отличающие ее от современной письменной литературы (также от литературы XIX в.). К числу таких особенностей относятся рассматриваемые синонимические пары с союзами и без союзов, а следовательно и роль самих союзов. Вместе с этим, часто союзы „и“, „да“ выступают в фольклоре в той функции, которая присуща им в современном литературном языке (соединительная и присоединительная), но есть и другой ряд случаев, где „и“, „да“ являются союзами усилительными. В качестве усилительных они стоят и между синонимами, причем ощущаются как живая

¹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, III. Харьков, 1899, стр. 281—282.

категория, а не окаменевший остаток старины: „Он жжет и палит пламенем огненным“, К. Д. 92; „полно вам биться и ратися“, Рыбн. II, 93; „учула да услышала“, „поешьте да покушайте“ и т. д.

Стилистическая функция синонимических пар, соединенных союзами „и“, „да“, отличается значительно большим акцентом на усилении, подъеме значения, тогда как в первой группе акцент на уточнении, ограничении значения (что также является усилением значения) „знаю-ведаю“ — „знаю и ведаю“ „жжет-палит“ — „жжет и палит“, „тоска-кручина“ — „тоска и кручина“, „сильные-могучие“ — „сильные и могучие“ и т. п.

Мы в праве утверждать, что основой сочетания синонимов при помощи союзов, как и в первом случае (при бессоюзном соединении), является совпадение, а не расхождение значения, потому что союзы очень часто соединяют слова — дублеты, и почти все бессоюзные синонимические пары выступают и в виде пар, соединенных союзами. Но так как в устной поэзии союзы „и“, „да“ выполняют также функции соединения и присоединения, то не всегда можно с полной уверенностью определить, какой случай мы имеем. Если никакого сомнения не вызывают сочетания „ходил и гулял“, „орать и пахать“, „жить и быть“, „повыдти и повыступить“, „тоска и кручина“, „со стыду и сорому“, то несколько труднее решить, что представляют собой сочетания: „притки и скорби“, „драка и бой“¹ и т. д. Но в большей части подобных сочетаний основой является совпадение значения, об этом говорит контекст и вся система художественных средств устной поэзии.

Нам очень трудно отвлекаться от привычных семантико-синтаксических норм, поэтому все, что внешне под них не подходит, часто зачисляется в категорию архаизмов языка, несмотря на то, что явление продолжает быть весьма продуктивным и живым. Надо отвергнуть объяснение А. А. Потебни, что наличие союза „и“, а также других „эксплетивных“ частиц и слов в синонимических, атрибутивных и иных сочетаниях является „явственным выражением медленности, с которой в говорящем один акт мысли следует за другим“,² в отношении к устной поэзии в имеющихся записях XVII—XX вв., так как подобное психологическое объяснение стилистического средства, как явления языка, отражающего процесс мышления сказителя, совершенно снимает вопрос об устной поэзии, как искусстве. С этой точки зрения произведения фольклора — результат бессознательного творчества, и представляют собой точное отражение процесса мысли сказителя, причем процесс этот искажен или чрезвычайно архаизирован.

С особенной силой синонимия как художественный принцип выступает в двух случаях: 1) когда нет в языке слова-синонима, которое может полностью совпадать по значению (или слова-дублета), и в этом случае

¹ См. приведенные выше примеры.

² Ук. соч., стр. 281.

сказитель в качестве синонима использует перифразу, и 2) в сочетании трех синонимов (причем одним из них также может быть перифраза).

1. Синонимическое сочетание с перифразой: „слово *безопалное* аи *бес тое* палы великая“, К. Д. 36; „*прогласил* государь слово *молвил*“, К. Д. 133; „*прогласил* царь государь слово *выговорил*“, К. Д. 138; „Под Ильею конь *окарачелся* и *падал* веть на *кукарачь*“, К. Д. 151; „*Воспроговорили* белые лебедушки, *проязычили* языком *человеческим*“, Г. 127, „*Говорит* царица ему, *ответ держит*“, Рыбн. II, 559; „*Приотвечу* я, желанна тоби матушка, *И на ответ скажу* солдат да я *бессчастный*“, Барс. II, 220; „*Долго спишь* да *засыпаешься*, в *крепкой сон-то* *задаваешься*“ Шейн, 1665; и т. д. Особенно часто перифраза появляется в случае сочетания 3-х синонимов.

2. 3 синонима: „спрашивает себе *сопротивника* себѣ *сильна* *могуча* *богатыря побитуца* *подратуца* *порататуца*, силы *богатырски* *приотведати*, а *могучи* *плечи* *приоправити*“ К. Д. 166; „после *веку* *ево* *долгова* *осталось* *житье-бытье-богатество* *осталась* *ево* *матера* *жена*... *осталась* *чада* *милая*...“, К. Д. 147; „не для *ради* *красы-басы-ужошества*...“, Барс. I, 30; „Как *нунечку-топеречку-зде-еще*“, Гильф. 232; „Мы *ходили* с *тобой* *красовалися* *сообща-вместе-заедино* о *катких* *гладких* *катищах*“, Шейн 1321;

Следует сделать несколько замечаний по поводу сочетания 3-х синонимов: а) третий синоним (иногда и второй) часто присоединяется к первым двум при помощи союзов „и“, „да“, „с кем *побитуца* *подратуца* и *порататуца*“, К. Д. 107; „Бог *теби* *помочь*, *оратаюшко*, а *орать* да *пахать* да *крестьяновати*, с *края* в *край* *бороздки* *пометывати*“, Гильф. 436; б) третий синоним (а иногда первый или второй) имеет определение, зависимое слово, которое может относиться не только к нему, но и ко всем трем или к двум из них: „*Дай* *бог* *здоровья*, *живота*, *веку* *долгого*“, Рыбн. III, 18; „*Без* *бою* *мне* *без* *драки* *великия* *без* *того* *кроволития* *напраснаго*“, К. Д. 102; в) постановка трех синонимов осложняется повторением двух первых или одного из двух первых: „*вас* *та* *царей* *не* *бьют* *не* *казнят*, *не* *бьют* *не* *казнят* и *не* *вешают*“, К. Д. 103, 61; „*спесивая*, *горделивая*, *горделива*, *непоклонливая*“, Соб. ВВП. II, 205; „*сделалась* *жена* *трудня-больня*, *трудня* *больня*, *очень* *немочна*“, Рыбн. II, 383; г) третий синоним — перифраза „а *спишь* *лежишь*, *опочивѣ* *держишь*“, К. Д. 139; *мне* *не* *спится* *не* *лежится* и *сон* *меня* *не* *берет*“, Шейн. 682; „*зачал* *жить* *быть* *векушку* *коротати*“, Гильф. 574, Рыбн. II, 561; „*стала* *ево* *журить* *бранить* *на* *ум* *учить*“, К. Д. 105, 32; „*ая* *смилюися* *смилосердися*, *смилосердися* *покажи* *милость*“, К. Д. 116; „*бегати* *скакати* на *добрых* на *конях* *ис* *Киева* *скакать* до *Чернигова* *промежу* *обедни* и *заутрени* *ускоки* *давать* *конинья*, что *выметывать* *раздолья* *широкия*“, К. Д. 25.¹

¹ Ср. „и стал молодец лучше старова: зрел бы, глядел, с очей не спущшал“ — см.: Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губ. Пгр., 1914, стр. 25.

Совершенно несомненно, что и в этих сочетаниях основой соединения является совпадение значения: подбираются слова-дублеты или такие, которые в определенном контексте становятся дублетами, а когда автору недостает подобного слова, он обращается к перифразе: „бегати, скакати. . . ускоки давати конинные“, „смилуйся смилосердия. . . покажи милость“, „слезно плачешь, уливаешься, ронишь слезы из ясных очей“ и т. п.

Но синонимы ставятся не только рядом (с союзами или без союзов), очень часто они оказываются отделенными друг от друга различными членами предложения, и это разделение не случайно. Оно обусловлено тем, что на второй (или первый) синоним падает главное ударение предложения или синтагмы. При этом усилительная, уточняющая стилистическая роль синонима выступает особенно ярко. Если пользоваться принятой терминологией, то смысловое выделение, подчеркивание одного из синонимов, а вместе с этим и второго синонима, достигается путем инверсии. Эти инверсии имеют несколько определенных видов: 1) синонимы-сказуемые (глаголы) разделяются подлежащим (существительным, местоимением) или обращением: „втапоры млад Щелкан *зачванелся* он *загорделся*“, К. Д. 14; „*кричит* он *ревет* зычным голосом“, К. Д. 140; А *смотрит* он *глядит*, думу думает“, Гильф. 247; „*не знаю* я *не ведаю* молодец вины своей“, Квашнин, 930; „А *устрашишься* ты да *ужахнешься*“, Гильф. 557; „*Убоюсь* царь Василий *уполошался*“, Рыбн. II, 564; „Как *принимал* Илюшенька *взимал* к себе“, Гильф. 242; „Ты *встань*, Семиен царь *пробудися*“, К. Д. 119; „ты *зачем* в гости *не ходишь*, друг, *не жалуешь*“, Соб. ВВП., III, 334; 2) синонимы-определения (прилагательные) разделяются определяемыми (существительным): „*глупая* княгиня *неразумная*, у нее волосы долги ум короток“, К. Д. 54; „*нерадошна* вестка *кручинная*“, К. Д. 139; 3) зависимые слова (дополнения, обстоятельства) разделяются тем словом, к которому они относятся: „что *не тихая* пришла *не смиренная*, *не по-старому* пришла *не по-прежнему*“, Шейн 1233; 4) синонимы подлежащие разделяются сказуемым „а *пир* пошел и великой *стол*“, К. Д. 117. Иногда синонимы разделены несколькими словами, но в этом случае очень важную роль играет то обстоятельство, что второй синоним отнесен на конец стиха, являющийся (в силу стиховых ритмических особенностей устной поэзии) наиболее сильным местом как в отношении ритмического, так и смыслового ударения: „И он *заступушка* вам был да *заборонушка*“, Барс. II, 62; „*не путем* шел добрый молодец *не дорогою*“, Ончук. 157; „Вы *кругом* меня обстаньте и *около*“, Рыбн. III, 359. Отнесение синонима на конец стиха часто соединяется с повторением части предложения, в которую входит первый синоним, в этом случае усиление становится особенно ярким: „У Костентинушка умок *молодешеніок*, *молодешеніок* умокъ *зеленешеніок*“, К. Д. 103; „Для чего ты меня *несчастлиного* спородила, *несчастлиного неталанного*“, Гильф. 559.

Поскольку синонимия оказалась выдвинутой, как одно из художественных средств, естественно было от слов-синонимов перейти к синонимическим группам, синтагмам, целым предложениям и стихам. И, действительно, в устной поэзии мы встречаем самые разнообразные формы синонимических групп и синонимических предложений.

1) синонимические атрибутивные сочетания (существительное с прилагательным или местоимением): „в то же время и в тот же час приехал князь из чиста поля“, К. Д. 96; „А много де прошло поры много времени“, К. Д. 29; „чтобъ не итти бы имъ сево дня и сево числа“, К. Д. 96; „Чудо милое, дите любимое“, Гильф. 593; „И вы в какой орды, несчастны, во коей земли“, Барс. II, 73; „есть кручинушка великая и печал необъятная“, Квашн. 931; „а ныне уж молодду кручина великая и печаль немалая“, К. Д. 125; „в годы прежняя времена первоначалныя при бывшемъ волномъ царе“, К. Д. 15; „Как в досюльны времена да в прежны годыщки“, Барс. I, 290; „Со крепка ума с полна разума“, К. Д. 4. „Ах ты старая собака, седатый пес“, Гильф. 231 и т. д. и т. п.

2) Синонимические группы зависимых слов: „пир на веселе повел столы на радостех“, К. Д. 15; „аи нету у нас царя в орде, короля в Литве, мы тебе поставим царем в орду, королем в Литву“, К. Д. 107.

3) Синонимические предложения и фразеологические сочетания. В этом случае часто используются устоявшиеся в языке выражения: „Откуль приехал, откуль тебе бог принес“, К. Д. 85; „Куда вы едите и куда бог несет“, К. Д. 53; „Куда ты, Илья Муромец, едешь, куда путь держишь“, Гильф. 597; „и тут Ильи за беду стало, за великую досаду показалось“, К. Д. 28, 86, 103 и т. д.; „У тя есть ли охота, горит ли душа со моима стрельцамы потешиться“, Рыбн. II, 456; „Что по утру было рано ранешонко как на светлой заре на утреней, на восходе было краснова солнушка“, К. Д. 127.

Особенностью русской устной поэзии является строгость и простота форм, но это та строгая простота, за которой стоит многовековая художественная культура. У нас до сих пор нет работ, посвященных анализу устных произведений с точки зрения их развития, с точки зрения их языка и художественных особенностей, поэтому продолжает сохранять силу совершенно неприемлемый для нас взгляд на произведения традиционных жанров фольклора, как на произведения статические. Основой его является тезис, многократно высказанный исследователями-фольклористами и филологами. Он заключается, с одной стороны, в утверждении глубокой архаичности произведений устной поэзии, понимаемой чрезвычайно прямолинейно (тексты записей XIX—XX вв. трактуются как тексты глубокой древности по своей форме), с другой — в низведении сознания крестьянина XIX—XX вв. почти на первобытную ступень (напомним объяснения, которые даются Фр. Миклошичем, А. А. Потемной и другими художественным особенностям фольклора: так, Фр. Миклошич объясняет художественное

повторение тем, что сказитель „не может быстро отделаться от овладевшего им представления, поэтому он несколько раз повторяет одну мысль или ряд мыслей“:¹ А. А. Потебня утверждает, что союзы и частицы между зависимыми словами, — подлежащим и сказуемым, определением и определяемым и т. д., — являются „явственным выражением медленности, с которою в говорящем один акт мысли следует за другим“,² и „заполняют собою пробелы мысли“.³ Формальный анализ „приемов“, данный на основе норм письменной литературы XIX в., не может раскрыть художественной системы русской устной поэзии. Характерной чертой в этой художественной системе является чрезвычайная связанность и обусловленность всех ее сторон (в этом также отражается долгий и сложный путь поэтического развития). Важным и организующим моментом является ритмико-стиховая структура произведений, которая теснейшим образом связана с синтактико-семантическими особенностями устной поэзии. Они взаимно поддерживают и обуславливают друг друга.⁴

Синонимия включается в эту сложную ритмико-стиховую систему и занимает в ней определенное место. Здесь также можно наметить несколько определенных форм ее использования.

1) Синонимы в параллельных стихах.

а) Повторяется весь стих, кроме синонима, который стоит чаще всего на конце стиха и поэтому является наиболее ударным словом и в ритмическом и в семантическом отношении:

Она стала Добрынюшку покидызять,

Она стала Добрынюшку *гобрасовать*

Гильф. 346.

Как начал тут Ильюшенька *доспрашивать*,

Как начал тут Ильюшенька *дведеывать*:

— Как все ли то в Цари-гради *по-старому*,

— Как все ли то в Цари-гради *по-прежнему*

Гильф. 238.

То слово царю *не влюбилося*,

То слово *не показалося*

К. Д. 139.

Оны видели над Киевом *чудным-чудным-чудно*,

Оны видели над Киевом *дивным-дионым-дивно*

Рыбн. II, 683.

Синоним может быть и в начале и в середине стиха, но эти случаи значительно реже:

А й сидит, сидит *кручинен* доброй молодец,

Д й сидит *печален* доброй молодец,

¹ Фр. М и к л о ш и ч. Изобразительные средства славянского гося. Тр. слав. ком., I, М., 1875, стр. 203.

² А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, III. Харьков, 1899, стр. 281.

³ Там же, стр. 282.

⁴ Этому вопросу посвящена особая статья автора.

Ты чего сидишь *печален*, доброй молодец,
 Ты чего сидишь *кручинен*, доброй молодец?
 Гильф. 542.

Надо заметить, что особенно широко эта форма развита в лирических произведениях: песнях, причитаниях и т. п.

Такая же картина и в более коротких стихах („скоморошских“) и внутри большого стиха, который разделен цезурой:

Скоморохи люди *вежливыя*,
 Скоморохи *очесливыя*
 К. Д. 6.

Стали ево *бити*,
 Стали *колотити*
 К. Д. 167.

б) Более сложной является фигура (обычно 2 параллельных стиха), в которой при разных синонимах, семантически организующих ее, остальная часть стиха не повторяется, а параллельно заменяется, причем для замены используется не синоним, а другое название предмета (или понятия) или происходит (на основе этого же принципа замены) разделение атрибутивного сочетания таким образом, что в первом стихе стоит определяемое, во втором — определение.¹

Ноне Настасья *просватана*
 Душа Дмитриевна *запоручена*
 К. Д. 57.

Туг девица *вздодалася*,
 Красавица *вздоумилася*
 Соб., ВВП, II, 204.

Приправил он своего добра коня,
Принастигивал богатырскова
 К. Д. 87.

У меня да красной девицы
Растосковалось сердечушко,
Разгоревалось ретивое
 Шейн, 1669.

Не ласточка *вылетывала*,
 Не косатая *выпурхивала*
 Рыбн, III, 66.

С Кострюком *поборотися*,
 С молодым *поломатися*
 Рыбн, II, 687.

Одеялышко *закуржевело*,²
 Собольно *призаиндевало*

Киреевский, н. с. II, стр. 12.

¹ На этом разделении определяемого с определением строятся параллельные стихи лирических, игровых, хороводных и прочих песен, например:

Зайнька, попытайся у ворот,
 Серенькой, попытайся у новых.
 Киреевский, н. с., II, стр. 13.

² Куржевина — иней, закуржеветь — заиндевать (северно-воеточные говоры).

Иногда (в многосложных эпических стихах) мы находим: повторение части стиха, „замену“ и синонимы:

У т о т а р-то было все у хитрых,
У п о г а н ы х-то было все-то было у мудрых
Марков, 93.

Вы куда, в о л к и, *призадумали*,
Куда, с е р ы е, *призамыслили*
Рыбн. II, 707.

в) Синонимия как художественное средство настолько остро ощущается, что создаются параллельные стихи, в которых каждый член одного стиха синонимичен члену другого стиха:

Я из горницы во горницу ходила,
Я из светлицы во светлицу гуляла,
Я расчашевы шкапы отворяла
Соб., ВВП, II, 227.

Кручинушки моей не убоялся,
Обидушки¹ моей не устрашилися
Барс. I, 110.

Видно, думушки теперечко несчастных
Мои мысли у горюши неталанных
Барс. I, 107.

Не начаются обиды — накачаются,
Не надуются досады — принавидятся
Барс. I, 292.

Тот же самый принцип полного синонимического параллелизма часто организует обе части многосложного эпического стиха:

Благослови мне, Владимир-князь, слово молвити,
Слово молвити мне-ка речь говорити
Марков, 535.

А и холост я хожу, неженат гуляю
К. Д. 36.

Параллельные синонимические стихи мы находим во всех жанрах устной поэзии:

Перед нашими широкими воротами
а утоптана трава утолочена мурава,
кто траву стоптал, кто мураву столочил,
стоптала-столочила красная девица
К. Д. 129.

2) Особенно изысканными являются параллельные синонимические стихи (или половины многосложного стиха), построенные на тавтологии:

Не ровня со мной ровняется,
Не верста со мной верстается,
Молодым я молодешенька,

¹ „Обида“ — горе, кручина в северно-русских говорах.

И *глупым-то я глупешенька,*
Зеленым я *зеленешенька...*

Шейн 1354.

Сидит тут царь Азвяк
Азвяк Тавруловичь
Суды *разсуживает*
И *ряды разряживает*

К. Д. 13.

сужаное пересуживаешь
ряженое переряжеваешь

К. Д. 59, 60 и т. д.

будет *пир во полупире*
будет *стол во полустоле*

К. Д. 67.

Тошно л тошно л мне по миленком встошнилося,
Грустно по сердешном взирустнулося

Квашнин, 932.

А что это *чудо-то счудилось,*
А что это *диво-то сдвилосе*

Гильф. 952.

Что не *стон-то стонется,*
Что не *вой-то воется,*
Восковые свечки *топятся*

Киреевский, н. с., I, 64.

Все *дела у нас не деланы,*
Все *работы не работаны*

Шейн 1663.

Я не *мылась, не парилась,*
Только с *волюшкой рассталася,*
Потеряла потеряшечку,
Обронила оброночку.

Рыбн. III, 66.

К этой группе относятся устоявшиеся традиционные стихи, говорящие о пире у князя Владимира:

было *пированье почестной пир,*
было *столованье почестной стол.*

К. Д. 23, 36, 52, 62, 65 и т. д.

Приведенные примеры (их можно умножать и умножать, потому что они встречаются во всех жанрах фольклора) свидетельствуют о богатстве и разнообразии форм и видов синонимии, используемой в устной поэзии как художественное средство. Назначение ее — усиление, уточнение, акцентуация семантики отдельных слов и целых фраз, в которых раскрываются наиболее важные стороны и детали содержания произведения. Синонимия теснейшим образом входит в ритмико-синтаксическую структуру народного стиха, во многих случаях представляя его организующую силу (например, синонимические параллельные стихи, стихи с параллельными конечными или начальными синонимами и т. д.).

Принципом, который положен в основу представленной здесь богатой системы синонимии, как было указано, является совпадение значения, т. е. то, что в письменной литературе со второй половины XVIII в. служит взаимоисключению, выбору одного из двух синонимов. Но изредка и письменная литература пользуется постановкой синонимов рядом с целью усиления значения. У М. В. Ломоносова в „Риторике“ в главе „О умножении и перемене слов“ находим следующее: „§ 94. Однозначительные слова те называются, которыми ту же вещь или бытие назвать можно, например, хорош, изряден и проч. Такие слова часто присовокуплены бывают одно к другому ради сильнейшего и яснейшего представления речи, например, Цицерон в начале слова своего против Катилины говорит: «Мы его уже напоследи дерзостью бесящегося, беззаконием дышущего, на сенат и на все достатки наши пагубу воздвигающего, отпустили, извергли, истребили; отшел, отлучился, вырвался, бежал; ему возвратиться не дам, не поущу, не стерплю“.¹ Цитирую здесь М. В. Ломоносова, так как он стоит на грани между старым и новым отношением к роли синонимов в художественном произведении (в учении о трех стилях вопрос о синонимах поставлен М. В. Ломоносовым уже совершенно в другой плоскости).

В начале статьи было указано, что, в конце XVIII и начале XIX вв. проблема синонима решается иначе. В качестве основного принципа выдвигается различие значений, а в связи с этим постановка двух синонимов рядом получает иную художественную функцию. Акцентируется не усиление, уточнение значения слова или фразы, а полнота характеристики явления, предмета, качества, даваемая в различных оттенках. Синонимы воспринимаются с точки зрения их расхождения, а отнюдь не совпадения, поэтому в литературном языке невозможно образование бессоюзных синонимических парных сочетаний. Они встречаются только как „заимствование“ из устной поэзии или разговорного языка. Но между фольклором и литературой письменной, а также между старой и новой традицией нет китайской стены. И в классической литературе XIX в. изредка мы находим использование синонимов с целью усиления значения путем уточнения и ограничения, которое выступает в синонимах, поставленных рядом (чаще соединенных союзом „и“, реже — без союза). Но и в этих случаях привычное, ставшее давно нормой, отношение к синонимам, как словам разного значения, вызывает у нас восприятие полноты характеристики, а не уточнения и усиления значения, даже когда автор берет из живой речи устоявшееся широко употребительное сочетание (или из старой литературной традиции), например:² „Костюм ее был довольно ценный, но не отличался хорошим вкусом и сидел на ней как-то

¹ М. В. Ломоносов. Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия. Соч., т. III, СПб., 1895 г., стр. 52.

² Здесь даются примеры из самых разнообразных жанров художественной литературы, потому что синонимия в такой общей своей функции (полнота характеристики, усиление значения) присуща литературе в целом.

вкривь и вкось";¹ „Затих повсюду шум и гам, и воцарилось молчанье“;² „Это было уже из рук вон плохо“;³ „Навстречу мне вышла моя кормилица и обняла меня с плачем и рыданием, как многострадального Одиссея“;⁴ „Дом наш наполнен был тогда плачем и рыданием“;⁵ „И пира свадебного не было; по скорости гости развехались, тужа и горюя, а о чем, не говорил никто“⁶ и т. д. и т. п. Но иногда функция усиления преобладает, так как „амплитуда“ значения слова (в особенности в данном контексте) ничтожна или полностью совпадает, например: „Алели щечки, как заря, все жарче рдея и горя“;⁷ „Я не был до того задавлен, стеснен, как теперь“;⁸ „... и каждый лист её, подхваченный стремлением, как будто хочет сорваться, слететь и умчаться вдаль“;⁹ „родилась (сплетня) и принялась пускать отпрыски и усики, словно земляника“;¹⁰ „Это уже не та ярмарка, на которой я так веселился; та сибла и пропала вместе с моею молодостью“;¹¹ „Да это было в те дни полноты и личного счастья, в которые человек, не подозревая, касается высшего предела, последнего края личного счастья“;¹² „Огарев... был одарен особой магнитностью, женственной способностью притяжения“;¹³ „страстная, огненная натура“; „... беззаботной светлой жизни“;¹⁴ „Рукою чистой и безвинной в порабощенные бразды бросал живительное семя“;¹⁵ „И в тот же час смекнул и догадался, что в когти он нечистого попался“;¹⁶ „Ничто не обольстит и не очарует взора“.¹⁷ С другой стороны, устная поэзия, в полном соответствии с местом синонимии и нормами ее употребления, складывающимися в языке в целом и в письменной литературе, использует синонимы для показа различных оттенков и степеней значения, опираясь на семантическое расхождение синонимов. В начале статьи

¹ А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов. Собр. соч., XI, СПб., 1895, стр. 25.

² Ф. И. Тютчев. Собрание стихотворений. Academia, 1933, т. II, стр. 20.

³ Ср. у Гоголя: „потом станет понемногу впутываться во все, и дело пойдет из рук вон“. О театре. Или у Тургенева: „Я слышала про него, что он чудак, но ведь уж это из рук вон“. Рудин.

⁴ А. С. Пушкин. История села Горюхина. Соч., Л., 1938, стр. 512.

⁵ М. Д. Чулков. Пригожая повариха. СПб., 1770, стр. 71. Ср. в древней литературе это сочетание „плач и рыдание“ (И. И. Срезневский. Материалы для словаря др.-русск. яз., т. II, столб. 957; т. III, столб. 209).

⁶ А. И. Печерский. Старые годы. Соч., VI, стр. 140.

⁷ Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений, т. I, 1933, стр. 185.

⁸ А. И. Герцен. Былое и думы. 1948, стр. 209.

⁹ И. С. Тургенев. Свидание. Записки охотника, соч., т. I, М., 1949, стр. 200.

¹⁰ Там же, стр. 285.

¹¹ М. Загоскин. Искуситель. Собр. соч., М., 1901, IX, стр. 33.

¹² А. И. Герцен. Былое и думы. 1948, стр. 213.

¹³ Там же, стр. 212.

¹⁴ Там же, стр. 196.

¹⁵ А. С. Пушкин. Свободы сеятель пустынный... Полн. собр. соч., АН СССР, 1947, стр. 302.

¹⁶ А. С. Пушкин. Монах. Полн. собр. соч., АН СССР, I, 1937, стр. 13.

¹⁷ Н. В. Гоголь. Мертвые души. Собр. соч., СПб., 1900, т. V, стр. 221.

были даны примеры такого употребления синонимов, приведу еще несколько:

Ой, бог над молодцом *прогневался*,
И сердешной друг *разкручинился*.

Квашн. 930.

Крепкая моя дума и *вѣрное* он мое слово,
Неизменная моя дружба. . .

Квашн. 923.

Загорелася во мне сердешная искра,
Сожгла мое сердце,
Палит мою душу день и ночь *непрестанно*.

Квашн. 931.

„Г[оспо]дь бог *миловал*,
Г[осу]дарь царь *жаловал*,
Отец мать молодца
у себя во *любве держал*.

К. Д. 124.

Во *дрокушке* был у матушки
И во *любви* был у батюшки.

Гильф. 573.

Как калачик-от съешь, другому *хочется*,
Другой съешь — по третьему *душа горит*,
Третий съешь — четвертый с *ума нейдет*.

Гильф. 779.

И вдовы та *безчестити*,
красны девицы позорити,
надо всеми *нарутися*,
над домами *насмехатися*.

К. Д. 14.

Красным девушкам был он *не насмешничек*,
Мужним женам *не срамитель* был,
Молодым вдовам — *не похабничок*,
Он солдаточкам был *не проказничок*

Барс. I, 202.

В классической литературе и в литературном живом языке синонимия играет большую роль, как средство избежать повторений одного и того же слова (в этом случае синоним, заменяющий уже употребленное слово, может быть полным семантическим дублетом его, в зависимости от контекста, и может также выражать новый семантический оттенок), например: . . . „все эти *битые* приветствия, *третьи* пошлости“;¹ „а *темные* силы, а *черные* люди влекут, не говоря ни слова, на край пропасти“;² „Ни тени *черного* воспоминания. ни малейшего *темного* предчувствия — молодость, дружба, любовь . . .“;³ „Когда театры одни оставались *прибе-*

¹ А. И. Герцен. Былое и думы. 1948, стр. 200.

² Там же, стр. 202.

³ Там же, стр. 213.

жищем уже повсюду изгнанного язычества и *притоном* бесчинных его вакханалий...¹ Этот принцип широко отражен и в устной поэзии, так как он является принципом языка в целом. А необыкновенно внимательное и бережное отношение к слову, столь характерное для устной поэзии, проявляется в данном случае очень ярко, так как малейшие семантические оттенки (проявляющиеся прежде всего в привычных лексических сочетаниях) учитываются. Вот несколько примеров:

*„Хорош мой миленкой, что наливная яблочка,
Пригош мой миленкой, как маков цветочик“.*
Квашн. 923.

*Износил свою молодость для друга милова,
Истаскал красоту свою.*
Квашн. 926.

*а князи збиралися, бояра съежались,
и дворяна сходилися,*
К. Д. 124.

*аи вырублю цють белоглазую,
прекročю сорочину долгополюю,*
К. Д. 81, 83.

*Стали дурня плетьюми стегати,
по ушамъ хлестати.*
К. Д. 168.

*Попусту да в поле ветры принавиются,
понапрасну в поле травка нашатається,*
Барс. I, 203.

*Якори метали в Непрь реку,
сходни бросали на круть бережек,*
К. Д. 2, 5.

*разводила те кореньица меды сладкими,
разсычала коренья белым сахаром,*
К. Д. 128.

Примеров подобного употребления можно привести много из самых разнообразных жанров фольклора. Эта линия в отношении к синонимам получает яркую и своеобразную разработку в стихах, различных по содержанию, но объединенных общей семантикой синонимов, которые организуют эти стихи, причем надо заметить, что эти формы характерны для более поздних лирических жанров (XVIII—XIX вв.).

*Заставила капусту садить,
приказала огород городить,
приневолила росаду поливать.*

Кир. н. с., вып. 2, ч. 1-я, стр. 12.

*Али дом они у нас да перестраивают,
Светлую светлицу ль оны да перерубливают,
Аль перено крылечко передельывают?*

Барс. 214.

¹ Н. В. Гоголь. О театре. Собр. соч., VII, стр. 59.

Без своей да без любимой семенящи
 Ты не *дольщичка* крестьянской будешь жирушки,
 Не *участница* участку деревенскому,
 Не *пристройщица* хоромному строению,
 Ты не *пайщичка* любимой скотинушки.

Барс. 1, 220.

и т. д.

Таким образом, в устной поэзии, на ряду со своеобразным и характерным для нее использованием синонимии, когда ставятся рядом два синонима по принципу совпадения значения (для усиления, уточнения значения), мы находим и другое, — которое полностью совпадает с использованием синонимов в литературном языке, когда принципом являются семантические отличия оттенков значения. Как было сказано выше, это последнее получило теоретическое обоснование в XVIII в., но практически сложилось гораздо раньше, и в записях устных произведений, сделанных в XVII в., мы находим как то, так и другое.

Примеры, приведенные в статье, взяты из записей XVII—XIX вв. (отчасти XX в.). Тексты XVII в. (записи былин, исторических песен, лирических песен) дают все виды синонимических сочетаний и форм.¹ Здесь мы часто находим синонимические пары (с союзами и без союзов) например: „в Новгороде заперлися и многои *мир-народ* погубили“, Р.Дж. 4. „кто бы ехал в землю турскую, взял бы *дани и выходы*“, Мих. Пот. „не можно нам тебя *нажюрить ни наговорить*“, Ск. о к. б.; „*не двинули ни крянули ни чернымъ волосом*“, Ск. о к. б.; „*умею и самъ стоять и битца* с погаными во чисте поле“, Мих. Пот.; „*сильныя могуция богатыри*“, Мих. Пот., Алеша П.; „вести *прямые неизменяя*“, Ск. о к. б.; „*скоро-борзо* скидовал (с) себя платье посолское“, Ставер и т. д. Особенно богаты синонимические формы в записях песен Квашнина-Самарина. Объясняется это тем, что, во-первых, в лирике гораздо большую роль, чем в эпосе, играют средства эмоциональной, художественной выразительности, во-вторых, тем, что на записях былин и исторических песен XVII в. значительно сильнее сказалась рука книжника, вписавшего их в сборники прозаических произведений. Синонимические пары (с союзами и без союзов), синонимические перифразы, синтагмы, параллельные сино-

¹ К сожалению, два обстоятельства мешают получению полной картины положения в XVII в., это: 1) чрезвычайно малое число записей не только былин, исторических песен, но и других жанров устной поэзии, а также их дефектность, 2) записи XVII в., хотя и довольно точные, тем не менее не воспроизводят полностью произведения в его устном исполнении, так как, будучи включены в состав сборников, они (до известной степени) подчиняются законам письменного повествования — текст пишется в сплошную строку без разделения на стихи, при этом могут быть опущены те особенности, которые связаны со стихом или опираются на его строение (повторения, а также и некоторые виды синонимии).

нимические стихи — все сложные и изысканные формы можно найти в этих небольших, отрывочных и часто дефектных записях.

А и кто ни вѣдает, а што есть на моем сердцѣ,
Ай да за моею груд(ью) бѣлюю?
Есть *кручинушка великая* и печал *необъятная*.¹

Понду л младенка со печали я либо *постригуся*,
Со великие *кручины* *посхимлюся*.²

Тошно л тошно мнѣ по *миленком* *встоинилося*,
Грустно по *сердешном* *взируснулося*,
что покинул мене мои *сердешныи* друг.³

Кабы *знала* млада *ведала*
Нелюбов друга *милова*,
Неприятства друга *сердешного*,
Ой не обykle бы,
Не тужила б по *милом* другѣ и плакала,
Не давала тоски своему *ретивому* сердцу.⁴

Записи Квашнина-Самарина замечательны еще тем, что в них, наряду с описанной системой использования синонимии, очень ярко выступает и другая, характерная для современного живого литературного языка: отбор синонимов с целью раскрытия различных оттенков, употребление синонимов с целью избежания повторений.⁵

Синонимические пары и все разнообразные формы использования синонимов в устной поэзии не представляют собой окаменевших старых форм, уводящих нас в далекое прошлое языка, которое настолько древне, что мы не встретим его даже в самых древних памятниках письменности. Несомненно, синонимия как художественное средство, подобно целому ряду других (например, эпитету), используется в весьма отдаленную пору и имеет свою историю. В течение последних трех веков история отнюдь не заключается только в „сохранении традиции“, хотя многое из имеющегося в записях XVII в. продолжает жить до сих пор (но в самых различных вариациях).

Живая творческая сила народа проявляется всегда в творческом, активном усвоении и дальнейшем развитии художественных принципов (пока они отвечают художественному сознанию эпохи), а не в механическом усвоении окаменевшего текста. Записи XVIII—XIX вв., а также многие записи XX в. дают чрезвычайно богатый и обильный материал для представления о разных видах синонимии. Особенно богата она в лирических произведениях: в причитаниях и песнях. Здесь мы найдем и различные вариации того, что известно по записям XVII—XVIII вв., и очень много нового; это новое идет, прежде всего, за счет лексического и фразеологического состава синонимических групп и сочетаний, потому что принцип

¹ Известия АН СССР, ООИ, 1932, № 10, стр. 931.

² Там же, стр. 929.

³ Там же, стр. 932.

⁴ Там же, стр. 932.

⁵ См. примеры, приведенные на стр. 197.

совпадения значения, положенный в основу различных видов и форм синонимии, почти исчерпан; художественное сознание ищет новых средств, а развитие языка в его целом, все бóльшая и бóльшая роль письменного литературного языка открывают новые возможности и формы использования синонимов, но уже на основе иных принципов. Но и старый принцип (совпадение значения) еще продолжает сохранять свою силу как средство усиления значения. В синонимических парах (с союзами и без союзов) мы находим сочетания, которые складывались, несомненно, в более позднее время (XVIII—XX вв.).

Уж послушай-ко, ласкогница желанная матушка,
Наложу-то я *службу-работу* не тяжелую:
Найди-ко хороший частозубчатый гребешок,
Зачеши-тко мою младую буйную голову.

Шейн, 1304.

Небеса вы сини, роздайтесь¹
Обложа-тучи, во едину не скопляйтесь.¹

Рыбн. II, 701.

Уж я *за молодость да за ребячество*
Пасывал я скотину крестьянскую

Рыбн. II, 563.

Как тут она *сокрутилась-обладилась*

Гильф. 281.

Меня *принуждали-приневолили*
Все мои родны родители.

Шейн 1679.

Уж мы съездим в город Вологду,
Мы разыщем фотографию,
Снимем *патрет* да с себя *карточку*
С моего да лица белого.

.....
Погляжу я, красна девица,
На свой *патрет да карточку*
Как припомню и припамячу,
Когда была душой девицей.

Шейн 1687.

Во всех жанрах фольклора XIX и XX вв. мы находим свободное и широкое использование синонимических пар и не только в поэзии, но и в прозе: например известная сказительница М. Р. Голубкова в повести „Два века в полвека“ часто ими пользуется: „Все собрались, пришли в избу, *огляделись-осмотрелись*, поклонились и запели“...;² „Не гостить наезжают, не на богату наживу, не на великий промысел *на войну, на бой да на побоище*“ (стр. 87); „Авдотья *не сердилась*

¹ Чрезвычайно интересно, что в Сборнике Кирши Данилова совсем не встречается слово „облако“, а есть только слово „туча“, хотя эпическая традиция сборника принадлежит Северу.

² М. Р. Голубкова. Два века в полвека. М., 1946, стр. 60, далее указываю только страницы повести.

не гневалась, не бранилась, не ругалась, а с той поры делать начала, как и добры люди“ (стр. 207); „А он куражится да ломается. Накланылась, я, навеличалась, а легли, он меня с койки кулаками столкнул“ (стр. 69). В записях XIX—XX вв., главным образом в лирических жанрах, очень часты произведения, в которых синонимия (иногда в сочетании с другими средствами, например тавтологией, повторениями и т. п.) является основным композиционным элементом.

.....
 Ты желанна, моя болезнь,
 В день денная печальщица,
 В ночь ночная богомольщица!
Посмотри-тко ты погляди
 На меня многокручинную:
 Меня красит ли, хорошит ли
 Меня природная девья красота
 И дорого мое цветно платьеце?
 Хоть не скажешь, моя желанная,
 Сама знаю — ведаю,
 Не красит и не хорошит,
 Дорога моя девья красота
 Потемнела да почернела
 Чернее черного потолка,
 Чернее ворона да поднебесного.

Шейн 1326.

Примеров такого широкого использования синонимии много как во всех собраниях XIX в., так и в современных записях. Широко пользуется синонимией М. С. Крюкова в своих „Новинах“, например:

Они глядят-смотрят во все стороночки,
 У них очи-глаза очень зоркие,
 У них уши-слухи очень чуткие,
 Не пройти мимо них никому, не проехать.¹
 Тут сходилися народы да все скоплялися.
 Всем хотелось им проститься.
 Загораживали путь-дорожечку урядники,
 Разбивали они народ да все расталкивали,
 Не дозволили с вождем проститься.²

В повести М. Р. Голубковой „Два века в полвека“ много сказов и плачей, сложенных автором о ее жизни. Для М. Р. Голубковой синонимия — одно из излюбленных художественных средств.

Тяжелехонько я вздохнула,
 Свою мать я вспоминала
 .....
 Кинула да бросила
 Безродну да бесплеменну,
 Бесприютну да безпризорну,

¹ М. С. Крюкова. На родине вождя. Новины. Архангельск, 1939, стр. 9.

² Там же, стр. 16.

Я шатаюсь, бедна девушка,
 Как *бесприкольна* будто лодка,
 Как *безвязвенна* будто корова.
 От того я берега отстала,
 А к другому я не пристала.
 Куда *присунешься* — *приткнешься*?
 Все не свое мне да не мило,
 Не любо мне-ка, не родно . . .

(стр. 27)

Не могли меня горя избавить
 Ни *выкупить* меня, ни *выручить* —
 Еще больше мне горя прибавили:
Поспешили они поторопили,
Кинули они меня да бросили
Из лихой беды да во кручинушку,
Из жарка пламя да во палюч огонь.
 Мне-ка *участь да бесталанна.*
 Мне *судьба-то да горемычна.*
Бил-терзал меня муж-каналья
 Не за дело, не за *провинность,*
 Не за *вину* меня, не за *проступки,*
 Не от голоду, не от холоду —
 От своей ли *великой лютости,*
 От *злости да приехидной.*
 Мне нигде-то счастья не было,
 Куда *кинуся, куда брошуся?*
 Мне нигде, бедной, не *укрытися*
 Мне-ка не за кем *ухранитися*
 Ни от ветру да мне-ка буйного,
 Ни от грому да мне-ка грозного,
 Ни от крупна ли *дождя мокрого.*

(стр. 177—178)

В XIX в. устная поэзия — поэзия крестьянская, по преимуществу. Между письменной художественной литературой и устной поэзией все углубляется разница, взаимодействие между ними ослаблено. Совершенно иное отношение между письменной и устной художественной литературой в XVII веке и в более раннюю пору. Роль устной поэзии чрезвычайно велика, она представляет собой достояние и искусство всех слоев общества. И, несомненно, лучшие передовые художники устного слова, представители различных социальных групп, сделали в нее свой вклад.

Связь и взаимодействие устной и письменной художественной литературы обнаруживаются с древнейшей поры и многократно были предметом исследования литературоведов. В работах, посвященных этой проблеме, очень часто привлекался и язык, как одно из ярких свидетельств тесной связи или, наоборот, расхождения устной и письменной традиции. Частная тема данной статьи — роль синонимии — не нашла себе места в исследованиях филологов, затрагивавших вопросы литературного языка древней поры, поэтому трудно говорить о какой-либо системе в использовании синонимии в произведениях древней литературы, так как для этого

необходимо проделать огромную предварительную работу по собиранию и изучению материала. Но некоторые наблюдения над использованием синонимов дают основания в качестве предположения высказать следующее: в литературе XVII в., а также и в более раннюю пору, мы находим некоторые общие черты с устной поэзией в отношении к синонимам. Надо принять во внимание, что приходится говорить только об общих принципах, так как устная поэзия по своим жанровым особенностям стоит очень далеко от литературы письменной. В тех случаях, когда письменное произведение опирается на устную традицию, художественные принципы устного произведения являются организующими в художественном языке. Так, в „Повести о горе-злочастии“ мы найдем все формы синонимических групп и сочетаний (характерные для устной поэзии), используемые широко и свободно.¹

Значительно сложнее обстоит дело с письменными литературными жанрами, но и здесь во многих случаях можно найти общие черты. Например в исторических повестях начала XVII в. широко используется постановка двух синонимов с целью усиления, акцентуации значения. Синонимы обычно соединяются союзом „и“ (бессоюзные парные сочетания встречаются очень редко).

„И самим королем уже истинно допряма вызнан, и реклся ему *пособляти* и *помогати* Московскаго государства доходити“;² „чтоб *молили* и *просили* на царство брата ее Бориса Федоровича“ (790); „крепко вооружился и укрепился и *не покорился* и *не здался*, да и ныне стоит и крепится“ (197); „и многими головами и душами врагом и губителем *покорился* и *предался* и в волю их дался“ (197); „во уме ему *запрещает* и к нам итти *возбраняет*“ (198); „аще будет, милая моя

¹ См., например:

Учинил бог заповѣдь законную:
велѣл он браком и женитбам быть.

(стр. 75)

не дружися, чадо, з глупыми, немудрыми;
не думай украсти, ограбити,
и обмануть, солгать и неправду учинить.

(стр. 76)

Чары и чулочки — все *поснимано*,
рубашка и портки — все *слуплено*,
и вся собина его *ограблена*.

(стр. 78)

Молодец на пиру *невесел* съдит,
кручиноват, *скорбен*, *нерадостен*,

(стр. 78) и т. п.

См.: П. К. С и м о н и. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII ст. СПб., 1907.

² Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Русск. истор. библ., т. XIII, вып. 1, Л., 1925, стр. 25. Дальше указываются только страницы.

премудрая жена Варвара, *збудетца* мое хотение и *исполнитца*“ (761); „и не наполнил своя окуянная *утробы*, и не насытил своего неполного *чрева*“ (785); „О любимые и милые мои гадатели!“ (758); „И повеле ее Борис заточить в место *бедно* и *горко*“ (786); „не увидели *пути* себе и *дороги*“ (768); „И на всех нападе *страх* и *трепет* и *плачь* и *рыдание* велие“ (764); „что стоиши предо мною добре *невесел* и *кручиноват* и часто *воздыхаешь*“ (773); „с великим дерзновением *без опасения* и *без страху* (807); „*страха* и *трепета* наполнил сердце Борисово“; „*изумелся* и *подивился* велми“ (760) и т. д.

Усиление значения при помощи второго слова-синонима чрезвычайно широко представлено в этих повестях,¹ встречаются и синонимические синтагмы, предложения, причем синонимы подбираются свободно, без ограничения традицией.

В произведениях, которые связаны с устной традицией (в той или иной мере), еще более ярко выступает принцип использования синонимии. Так, в повести о разорении Батыем Рязани синонимика занимает большое место как средство художественной выразительности. „И едва отдохнув от великого того *плача* и *рыдания*“;² „и воеводы *храбры* и *мужественны* ездяше по воем“ (141); „так *храбро* и *мужественно* бьяшеся, яко всем полком татарьским *подивитися крепости* и *мужеству* резанскому господству“ (142); „и воинства *удальцы* и *резвцы*, узорочье и воспитанье рязанское, вси *равно умроша* и *едину чашу смертную пиша*“ (142); „и веля *бити* и *сечи* и без милости“ (142); „Посланы отъ князя Ингваря Ингоревича резанскаго тебя, сильна *царя*, *почтити* и *честно проводити* и *честь* тебе *воздати*, да не подиви, царю: не успевати наливати чашу на великую *силу рать* татарскую“ (143); „и от *великаго кричания* и *вопля страшнаго* лежаша на земли, яко мертв“ (144) и т. д.

Один из самых ранних памятников древней литературы, в котором так блестяще и органично слиты устная и письменная традиции, Слово о полку Игореве также обнаруживает использование синонимии в качестве художественного средства: „*Туга* и *тоска* сыну Глебову“.³ Своеобразной чертой использования синонимов в Слове о полку Игореве является употребление их в параллельных предложениях и синтагмах: „То было въ ты *рати*, и въ ты *плъкы*, а сицей *рати* не слышано“ (69); „ищучи себе *чти*, а князю *славъ*“ (67);⁴ „пути имъ *въдоми*, яругы имъ *знаеми*“ (67); „что ми *шумить*, что ми *звенить* далече рано предъ зорями?“ (69); „уже намъ своихъ милыхъ ладъ *ни мыслию смыслити*, *ни думою сду-*

¹ В некоторых оно встречается реже, в других применяется чрезвычайно широко, например в „Сказании о царстве царя Феодора Иоанновича“, в „Ином сказании“, в „Новой повести о преславном Российском царстве...“ и др.

² „Повесть о приходе Батыя на Рязань в 1237 г.“ Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. М., 1938, стр. 141. Дальше указываются только страницы.

³ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1938, стр. 72. Далее указываются только страницы этого издания.

⁴ Обычное парное сочетание „честь-слава“, „честь и слава“.

мати, ни очима сгледати“ (70); „темно бо бѣ въ тѣ день: два солнца помѣркаста, оба багряная стѣпа погасоста“ (71); „ничить трава жалощами, а древо с туюю къ земли преклонилось“ (69); „тоска разлияся по Русской земли, печаль жирна утече средь земли Руския“ (70); „Уныша цвѣты жалобю, и древо с туюю къ земли прѣклонилось“ (75); „въстона бо, братие, Киевъ туюю, а Черниговъ напастѣми“ (70).

В научной литературе неоднократно указывалось на большую синонимичность древне-русского языка по сравнению с языком современным.¹ Это, главным образом, касается терминов, определенных понятий, названий предметов (в буквальном смысле), которые представляли собой тождество и, по мнению исследователей, вызвано было, с одной стороны, самим процессом складывания письменного литературного языка, который был призван выражать, в значительной мере, понятия и представления нового мировоззрения (христианского),² — с другой, диалектной раздробленностью и отсутствием единого литературного языка. Но уже в древнейшую пору определенные области языка (выражение эмоций, некоторых сторон человеческой деятельности и т. д.) содержат значительное количество синонимов (не только слов-дублетов, но и слов-синонимов) в нашем понимании. Оставляя вопрос о происхождении или путях вхождения этих синонимов в литературный язык, укажем на то, что уже в самых старых памятниках мы встречаем синонимы, поставленные рядом (обычно с союзом „и“), причем как контекст, в котором они встречаются, так и постоянство их сочетания, а также частота употребления не оставляют никакого сомнения в том, что художественная, выразительная функция их заключается в усилении значения. Например синонимы горя, печали: „туга“, „скорбь“, „печаль“, „тоска“, „беда“, „сухота“, „кручина“, встречаются очень часто в текстах в сочетаниях,³ некоторые из них являются как бы „постоянными“, например „туга и скорбь“, „туга и печаль“. Синонимы эти, будучи взяты отдельно, имеют целый ряд оттенков в семантике, но и постоянно перекрещиваются, совпадают, дополняя и усиливая друг друга. Например слова „скорбь“, „туга“, „печаль“ одинаково передают в переводах греческие: ἡ στενωχορία, ὁ θλιμὸς (ἡ θλίψις), ἡ ἀμνηχανία, ἡ ἀθυμία. И в данном случае для нас не важно, каковы происхождение и история этих слов в русском языке до XI—XII вв., а важно то, что эти слова выступают в памятниках в качестве синонимов в одном предложении, являются однородными членами, дополняющими и усиливающими друг друга. Слово „кручина“ включается в круг этих синонимов значительно позднее (веро-

¹ П. С. Билярский Замечания о языке сказания о св. Борисе и Глебе. Записки АН т. II, СПб., 1862, стр. 120; Б. А. Ларин. Проект древне-русского словаря. М.—Л., 1936, стр. 51; Ф. П. Филин. Очерк истории русского языка до XIV столетия. Л., 1940, стр. 81—83.

² Именно поэтому область новых понятий и содержит особенно большое число синонимов, точнее: различных названий одного и того же понятия или предмета.

³ См., например, цитацию на эти слова в „Материалах для словаря др.-русск. яз.“ И. И. Срезневского, в особенности на слова „туга“, „скорбь“, „печаль“.

ятно в XV—XVI вв.). Соединений двух синонимов из этого круга бесчисленное множество, поэтому здесь даются только некоторые примеры: „Зде убо скорбь и туга, и недуг вмале, а тамо радость и веселие“;¹ „туга и тоска сыну Глебову“;² „А вьстона бо, братие, Киев тугою, а Чернигов напастьми. Тоска разлися по Руской земли, печаль жирна утече среди земли Рускый“;³ „ни отец сынови, ни мать дъчери, ни сосед соседу не уламляше хлеба; не бысть милости межи нами, нъ бяше туга и печаль, на уличи скърбь друг с другом, дома тьска, зряще детей плачуще хлеба, а другая умирающа“;⁴ „плачуще со слезами горькими и глаголаша: лучьше вам, преже сего часа горького изомроша, а нам люте, видяще сию тугу и печаль“;⁵ „и бысть туга и печаль и плачь велик зело“;⁶ „и бысть Ольгерду князю и Кестуту и инем князем скорбь и печаль по Любце князи. А в то время притужно бяше Изборску; и прислаша изборяне гонецъ во Псков со мною печалию“;⁷ „и печаль свою и кручину им, светом моим, забывала“⁸ и т. д. В соответствии с существительными-синонимами встречаются глаголы и прилагательные того же корня: „чтоб ни о чем не печалились, и не скорбели по домех своих, и о имени своем не тужили“⁹ и т. д.

Еще более часты и „постоянны“ соединения слов-синонимов проявления горя: „плач“, „рыдание“, „вопл“, „стон“ (стенание), „кричание“, „слезы“, которые также встречаются в самых разнообразных памятниках и в различных вариациях. Особенно частым и „постоянным“ является соединение: „плач и рыдание“,¹⁰ которое мы находим во всех жанрах письменной литературы, начиная с древнейших памятников:¹¹ „И едва отдохнув от великаго того плача и рыдания, и нача совокупляти воинство свое. . .“;¹² „и поехала вборзе с плачем и рыданием многим“;¹³ „бысть плачь и рыдание велие, яко им быти вполы живым сущим“¹⁴ и т. д. Но синонимическое соединение „плач и рыдание“, несмотря на свое „постоянство“, — не окаменевшая формула, поэтому вся группа синонимов (плач, рыдание,

¹ Патерик Киевского печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 127.

² А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1938, стр. 72.

³ Там же, стр. 70.

⁴ Новгородская летопись по Синодальному списку. СПб., 1888, стр. 238. См. также стр. 124, 144, 168 и др.

⁵ Псковские летописи, I. М.—Л., 1941, стр. 11, 16.

⁶ Там же, стр. 47, 78 и др.

⁷ Там же, стр. 19, 20 и др.

⁸ Русская историческая библиотека, т. XIII, вып. 1, Л., 1925, стр. 768.

⁹ Там же, стр. 781.

¹⁰ Как мы видели, оно доживает до XIX в. См. примеры на стр. 196.

(Пушкин. История села Горюхина).

¹¹ Даются только некоторые примеры, так как невозможно привести их из всех жанров, в виду их многочисленности и постоянства.

¹² Повесть о приходе Батыя на Рязань в 1237 г. Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1938, стр. 141, 145 и др.

¹³ Псковские летописи, I. М.—Л., 1941, стр. 95, 86, 103 и др.

¹⁴ Русская историческая библиотека, т. XIII, вып. 1, стр. 565, 74, 764, 809 и др.

воплъ, кричание, стенание, а также: плакати, рыдати, вопити, возопити, кричати, стонати и т. д.) дает самые разнообразные сочетания: „Тогда бѣше мног плач зело и лютое кричание с горьким рыданием“;¹ „и бысть вопль и плачь и печаль по городом и по селам“;² „во псалмов и песней место кричаше вельми и рыдаше“;³ „и от великаго кричания и вопля страшнаго лежаше на земли яко мертвъ“;⁴ „на такой вопль и неутешимое кричание“;⁵ „И начаша бегати казанцы сюду и сюду по улицам градным... и ревущи горькими гласы, вопиюще сами о себе... своим языком варварским: О люте нам, — глаголюще, — уже бо время смерти нашея приближися днесь (далее следует „плач“ казанцев)“;⁶ „Да кто каменносердечен тогда не восплакася или не востона о семъ“;⁷ „слезами своими обливался и горко плачущеся и рыдаше, вспоминая отца его, государя... милость“;⁸ „и много она государыня кричав и причитав и жалостно и умилно глаголя“;⁹ „И възкличаша и возопиша жены орешанки на трубы московския“¹⁰ и т. д. Также „постоянным“ является соединение синонимов, обозначающих противоположные чувства — „радость и веселие“ (встречается во всех литературных жанрах) и часто противопоставляется синонимам „плач и рыдание“. Область эмоций представлена в большом количестве синонимов в древней литературе, и соединение синонимов в пары обычно служит усилению семантики, акцентирует высокую степень проявления чувства (реже — взаимное дополнение, например, „плач и рыдание“). Укажу еще некоторые группы синонимов, например: „страх“, „ужас“, „трепет“, „боязнь“, „опасение“ (тоже в глаголах, прилагательных, наречиях с этими корнями); „гнев“, „ярость“, „кручина“; „храбрость“, „крепость“, „мужество“; „сеча“, „бой“; „рать“, „сила“, „войско“ и т. д. Первая группа (страх, трепет, ужас, боязнь) встречается в самых различных вариациях от первых памятников письменности,¹¹ поэтому приведу несколько примеров только из текстов XVII в.: „и их де всех сторожев в те поры взял *страх* и *ужас* велик“;¹² „Треклѣтый же

¹ Псковские летописи, I. М.—Л., 1941, стр. 22, 12 и др.

² Новгородская летопись по синодальному списку. СПб., 1888, стр. 219 и др.

³ Повесть о приходе Батыя на Рязань в 1237 г. Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1938, стр. 144.

⁴ Там же, стр. 144.

⁵ Русская историческая библиотека, т. XIII, вып. 1, Л., 1925, стр. 769 и др.

⁶ История о казанском царстве. Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1938 г., стр. 252.

⁷ Русская историческая библиотека, т. XIII, вып. 1, Л., 1925, стр. 34.

⁸ Там же, стр. 783.

⁹ Там же, стр. 769.

¹⁰ Псковские летописи, I. М.—Л., 1941, стр. 98.

¹¹ См., например, Патерик Киевского печерского монастыря, Повесть временных лет, Историю о Казанском царстве, Памятники Смутного времени и др.

¹² Повесть временных лет, Остромирово евангелие, Толковая псалтирь XI в., и далее: Новгородская I летопись, Псковская I летопись, Патерик Киевского печерского монастыря и т. д. Русская историческая библиотека, т. XIII, вып. 1, Л., 1925, стр. 186, 31, 105, 33 и др.

Гришка Отрепиев наипаче *страхом* и *великим трепетом* объят бысть“;¹ „и *страха* и *трепета* наполнися сердце Борисово“;² „И нападе во граде Угличе *страх велий* и *трепет* и *боязнь* во всем народе“;³ „тотчас пошел наскоро в царствующий град Москву с великим дерзновением *без опасения* и *без страху*“⁴ (ср. в тексте XVII в. Сказания о киевских богатырях: „Сердце ся у меня *ужаснуло трепещется*“), и т. д. Следует сделать замечание, что один из синонимов — „трепет“ — редко употребляется как одно слово для обозначения страха, ужаса; обычно „трепет“ выступает в синонимическом соединении (объясняется это отношением внутри синонимической группы: трепет — следствие, внешнее проявление страха, а синонимы такого рода обычно употребляются в соединении, в сочетании). Невозможно перечислить в статье синонимические соединения, встречающиеся в памятниках древней письменности. Некоторые из них представляют собой более „постоянные“ соединения, другие более свободные. К числу первых, кроме названных выше, относятся, например, „стыд и срам“, „честь и слава“, „честный и славный“, „хвала и слава“, „хвалять и славить“, „хитрость и мудрость“, „чудо и диво“, „чудный и дивный“, „род и племя“, „дедина и отчина“, „стук и гром“, „сеча и бой“, „битися и сечися“ и т. д. Но, кроме этих, очень часты синонимические соединения более свободные. Функция почти всех этих соединений — усиление значения: „Слышав же Святослав, *распалеся иневом* и *разжеся яростью* и размысли во уме своем, река“;⁵ „А что бяше отняли юриевцы старин псковских много... они же погании возвратиша *со стыдом* и *с срамом* вся старины псковския ко Пскову“;⁶ „и поидоша немцы ко озеру *жуучи* и *паляче* Псковскую волость“;⁷ „и начаша дивитися *храбрости* и *крепости* и *мужеству* резанскому господству“;⁸ „А зде у нас прожереченный непоколебимый столп сам *крепко* и *непоколебимо* во уме своем стоит... а зде от того *крепкаго* нашего и *непоколебимаго* столпа, — никакже такова *повесть* велия и *притча* во многих землях утаится, но повсюду пронесется и прославится, яко таковыми мерами оно царство *спасеся* и *от врагов* своих *избавися*... чтобы мы все, видев его *крепкое* и *непреклонное* стояние, тако же крепко вооружилися...“⁹ и т. д.

Сочетания синонимов в качестве художественного средства усиления очень широко применяются в древней литературе, поэтому часто встре-

¹ Там же, стр. 34.

² Там же, стр. 775.

³ Там же, стр. 775 и др.

⁴ Там же, стр. 807, 766 и др.

⁵ Ипатьевская летопись. Полн. собр. русск. летоп., т. II, изд. 2. СПб., 1908.

⁶ Псковские летописи, I. М.—Л., 1941, стр. 49, 16 и др.

⁷ Там же, стр. 77.

⁸ Повесть о приходе Батые на Рязань в 1237 г. Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1938, стр. 144.

⁹ Русская историческая библиотека, т. XIII, вып. 1, Л., 1925, табл. 199.

чаются предложения и абзацы, в которых будет по несколько пар или групп различных синонимов: „И не оста в граде ни един живых, вси равно умроша, и едину чашу смертную пиша, несть бо ту ни стонюща ни плачюща“;¹ „И на всех найде страх и трепет и плачь и рыдание велие, и вси стали страху его боятися и волю его во всем чинить и слушати повеления его“;² „И тот день ради пришествия его бысть радость великая в царствующем граде Москве, и веселие и питие и пирование, вкупе рещи, великая радость и веселие, после же того в то место бысть плачь и рыдание и кровопролитие и убивство“...³ и т. д.

Приведенные примеры иллюстрируют только одну сторону использования синонимов в древней русской литературе (притом очень суммарно, без исторической и жанровой характеристики), интересную для нас тем, что функция ее совпадает с функцией, которая получила наиболее яркое и своеобразное развитие в устной поэзии. Несомненно, в древней русской литературе синонимика используется как художественное средство различно в разные исторические эпохи и не ограничивается только одной функцией — усиления, акцентуации значения. Кроме того, формы и виды использования синонимов в письменной литературе во многом отличаются от того, что мы находим в устной поэзии, но эти вопросы выходят за пределы данной статьи.

Подведем итоги. 1. Богатые и чрезвычайно разнообразные формы и виды использования синонимии, теснейшая связь их с ритмико-стиховыми особенностями устных поэтических произведений не оставляют никаких сомнений в том, что синонимия является одним из очень ярких и своеобразных средств художественной выразительности русской устной поэзии. 2. Синонимия служит усилению значения, акцентуации отдельных слов, синтагм, стихов, на которые падает основная смысловая нагрузка. 3. Принцип, на котором основано использование синонимов как художественного средства, — это совпадение значения, что отличает устную поэзию в данном случае от письменной художественной литературы XVIII—XX вв., так как со второй половины XVIII в. в письменной литературе складывается (в художественной практике и в теории) другое отношение, выдвигается, как ведущий и определяющий, принцип расхождения значений слов — синонимов, дающий основание для разработки оттенков значения. Основанием для сохранения слов — дублетов является жанровая характеристика, которую они приобретают. 4. В древней русской литературе одна из функций синонимии также усиление значения путем постановки рядом двух синонимов, что дает основание говорить не только о глубоком взаимодействии письменной и устной литературы, но и об их общих художественных принципах. 5. Устная поэзия, как и письменная литература, базой своей имеет язык в его сложном и богатом целом. Устные произведения, живущие в области

¹ Повесть о приходе Батыя на Рязань в 1237 г., стр. 142—143.

² Русская историческая библиотека, т. XIII, вып. 1, Л., 1925, столб. 764.

³ Там же, столб. 809.

определенного диалекта (и на этом диалекте), представляют собой долгую и сложную художественную традицию, в которой проявляется язык в различных его сторонах в силу специфики жизни устных произведений, переходящих из уст в уста. Поэтому в устной поэзии находит отражение и та линия в развитии синонимии, которая особенно характерна для письменной литературы XVIII—XX вв. 6. Синонимия, как и целый ряд других художественных средств (например тавтология, эпитет) устной поэзии свидетельствует о необыкновенно внимательном отношении к слову и его семантике, о высоком мастерстве народных художников, выработавших богатые и разнообразные формы художественной выразительности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Алеша П. — Отрывок былины об Алеше Поповиче (из сборника: „Русские былины старой и новой записи“. Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894).
- Барс. — Причитания Северного края, собр. Е. В. Барсовым. М., 1872.
- Гильф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. СПб., 1873.
- Кваши. — М. Н. Сперанский. Из материалов для истории устной песни. Изв. АН СССР ООИ, 1932, № 10.
- К. Д. — Сборник Кириши Данилова. СПб., 1901.
- Мих. Пот. — Повесть о князе Владимире киевском .. и о Михаиле Потоке Ивановиче (из сборника: „Русские былины старой и новой записи...“).
- Ончук. — Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904.
- Рыби. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2. М., 1910.
- Соб. ВВП — А. И. Соболевский. Великорусские народные песни. СПб., 1895—1902.
- Ставер — А. И. Соболевский. Былина о Ставре Годиновиче по списку половины XVII в. Изв. ОРЯС АН, т. XVI, кн. 1, 1911.
- Шейн — Великорусс в своих песнях, обрядах... Материалы, собранные П. В. Шейном. СПб., 1898—1900.¹

---

¹ Во всех перечисленных изданиях указываются страницы, кроме сборников П. В. Шейна, в которых указываются номера текстов.